

Регулюм

Василий Головачев

Регулюм

«ЭКСМО»

1999

Головачев В. В.

Регулюм / В. В. Головачев — «Эксмо», 1999 — (Регулюм)

ISBN 5-04-004088-1

Среди прочих основополагающих законов Вселенной действует Закон Равновесия – самый трудный для исполнения. Оказывается, чтобы выжить и сохранить свой дом – Солнечную систему, человечеству мало овладеть временем... В начале XXI века на Земле двепротивоборствующие группировки «равновесников» постоянно перекраивают реальность в соответствии со своими властными амбициями и интересами, что ускоряет процесс «свертывания» цивилизации. В одном из таких хроносдвигов Стас Панов теряет любимую девушку, но приобретает Знания Бездн, выводящие его на уровень творца новых Вселенных. И становится опасен. Следовательно – подлежит вербовке или уничтожению...

ISBN 5-04-004088-1

© Головачев В. В., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

ПЕРЕДАЧА ЭЙКОНАЛА	5
ПЕРЕХОД ПРИЧИНЫ В СЛЕДСТВИЕ	12
ЛИНИЯ, НЕДОСТУПНАЯ ПРЯМОМУ ПРОСЛУШИВАНИЮ	18
НЕЗНАКОМАЯ ЛУНА	20
УДИВИТЕЛЬНОЕ – РЯДОМ	28
КЕША-СТРОИТЕЛЬ	38
ЗНАКОМСТВО С РЕАЛЬНОСТЬЮ	43
ЗАХВАТ	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Василий Головачев

Регулюм

Зое, моей жене и другу
Василий Головачев

ПЕРЕДАЧА ЭЙКОНАЛА

Двое мужчин, окруженных слабым золотистым сиянием, стояли на вершине двухкилометровой пирамиды, покрытой фестонами снега и льда, и смотрели на яркую звезду, проколотившую угольно-черное небо планеты над близким горизонтом. Планета называлась Плутонем, а звезда Солнцем, светившим здесь в тысячу шестьсот раз слабее, чем на Земле.

Затем оба, не сговариваясь, обернулись, чтобы посмотреть на восход Харона, спутника одной из самых далеких планет Солнечной системы. Харон был голубовато-серым с белыми полосами и пятнами изморози от выпавшей в незапамятные времена на его поверхность атмосферы, но даже невооруженным глазом была видна инфраструктура планеты – линии энергопроводов, акведуки, ряды преобразователей вещества и пирамидальные сооружения – древние города и формироваватели полей. Диаметр Харона не превышал тысячи двухсот семидесяти километров, в то время как диаметр Плутона равнялся двум тысячам тремстам двадцати километрам, и это была уникальная пара в Солнечной системе, другие планеты которой не имели спутников всего лишь вдвое меньше себя. Однако на Земле мало кто знал, что Харон сотни миллионов лет назад был частью Плутона и вращался вокруг Нептуна... Волна разума двигалась по Системе от периферии к Солнцу, по мере падения мощности его витаморфного излучения: сначала жизнь возникла на Нептуне – в виде разумных теплокровных растений, – потом на Уране, Сатурне, Юпитере, не избежал этой участи Марс, потомки обитателей которого оставили поселения на Луне, Земле, Венере и Меркурии, но лишь на Земле жизнь и разум все еще поддерживали свой потенциал, хотя и на грани разрыва бытия. На других же планетах жизнь давно погасла. Впрочем, кое-как она еще теплилась на Европе, спутнике Юпитера, сумев освоить под многокилометровым слоем льда океан планеты. Но люди Земли, за редким исключением, этого не знали, хотя их автоматические станции уже посещали окрестности Сатурна, Юпитера, Нептуна и Плутона. Они все еще верили, что пространство (в действительности энергоинформационный потенциальный барьер, отделяющий планеты – формы-слои узла реальности под названием Солнечная система) можно преодолеть только таким путем – с помощью ракетных аппаратов, ломаясь напролом сквозь вакуум.

Один из мужчин, средних лет, черноволосый, смуглолицый, с баками, переходящими в бородку и усы, кинул беглый взгляд на круглую гору Харона, которая медленно всплывала над горизонтом, и тревожно оглядел хаос ледяных торосов на поверхности Плутона, скрывающих такую же сеть сооружений, что и на спутнике.

«Мы видны со всех сторон, – сказал он мысленно. – Я поискал бы убежище посимпатичней».

«Да, пожалуй, Плутон – не лучший из слоев Регулюма, – согласился второй мужчина, постарше, седой, заросший колючей седоватой щетиной. – Зато мало кто из равновесников забредает на окраину Системы».

«Ты все еще считаешь, что нас гонят именно равновесники?»

«Они имеют не только хорошо организованную службу разведки и контрразведки, но и абсолютников, которые вполне способны выйти на СТАБС».

«Тогда мир перевернулся! Когда это было, чтобы оперы Равновесия гонялись за инбами?!»

«Значит, их кто-то навел на нас».

«Кто?!»

«Боюсь, это уровень более высокой инстанции, чем Равновесие и даже СТАБС. За нами тоже кто-то наблюдает».

«Метакон, что ли?»

«Возможно, Метакон. Хотя и над ним наверняка кто-то сидит. Иерархия Мироздания гораздо сложнее, чем мы считаем».

«Я думал, что Метакон это легенда».

«Я тоже так думал, пока не влез в пограничный слой его базы данных».

«Знания Бездн?!»

«Да».

«Так вот почему началась вся эта свистопляска?! А я ломаю голову, что происходит. Но если за нами гонятся упыри Метакона, может быть, мы сумеем договориться с ними?»

«Договариваться с Метаконем все равно, что предлагать компьютеру таблетки от зубной боли».

Черноволосый фыркнул.

«Это меня почему-то не успокаивает. Тогда почему ты не вызвал фундатора и не попросил помощи?»

«Зона влияния фундатора – Регулюм, а зона влияния Метакона – Галактика. Если упыри Метакона вычислили мою родовую хронолинию, нас все равно найдут, рано или поздно».

«А если мы ошибаемся?»

«Это станет известно в ближайшее время».

«Не будем же мы покорно ждать, когда нас настигнут!»

«Не будем», – согласился старший, погладив щетину на щеке.

Оба одеты были в свободного покроя плащи, переходящие в широкие шаровары, но, судя по всему, температура минус двести пятьдесят градусов по Цельсию, отсутствие воздуха на Плутоне и меньшая, чем на Земле, сила тяжести не мешали им чувствовать себя нормально.

Внезапно недалеко от них, буквально в десятке метров, на вершине заиндевевшей пирамиды возникла туманно-прозрачная полусфера, внутри которой стали протавить какие-то темные фигуры, похожие на извивающихся змей. Затем полусфера исчезла, а змеи превратились в двух человекообразных существ в необычных спецкостюмах, напоминающих не то скафандры, не то боевые комбинезоны со множеством блях, колец, карманов, захватов с какими-то приспособлениями и держателей оружия. Оба не сразу сориентировались на местности, но, как только увидели мужчин в плащах, открыли по ним огонь из пистолетов с толстыми стволами насадками.

Однако их заминка позволила черноволосому предупредить нападение и продемонстрировать навыки рукопашного боя. Двигаясь с такой быстротой, что его фигура превратилась в смазанный силуэт, он успел нейтрализовать их в течение долей секунды.

Необычной формы ножом он буквально снес одному из стрелков руку по локоть, держащую оружие, а второго отбросил на несколько метров ударом ноги в голову, скрытую непрозрачным стеклом шлема. Прыгнул к поверженному противнику, собираясь покончить и с ним, но седой остановил своего телохранителя:

«Подожди, попробуем выяснить, кто их заказчик».

Они склонились над скорчившимся «спецназовцем».

«Кто ты?» – задал мысленный вопрос седой.

Человек зашевелился, потянулся к захвату на поясе, где висел еще один пистолет. Черноволосый перехватил его руку, вывернул, нажал. Человек вскрикнул, и хотя крик его не вышел за пределы скафандра, но седой и черноволосый слышали этот крик в ментальном диапазоне.

«Он нас не слышит, – сказал черноволосый. – Это не инспектор Метакона. Те владеют пси-связью и не нуждаются в спецкомбинезонах типа армейский «киборг».

Тело человека вздрогнуло, руки, сжатые в кулаки, расслабились.

«Готов».

Черноволосый ощупал шлем убитого, нашел замок, умело разблокировал и откинул забрало шлема. Из отверстия вылетело облачко пара. На мужчин в плащах тускнеющим взором смотрело разбитое в кровь женское лицо. Струйка крови, вытекающая из уголка губ женщины, вскипела, превращаясь в лед. Глаза незнакомки застыли.

«Черт побери! – выругался черноволосый. – «Волчица»! Нас действительно преследовали равновесники! Как же им удалось нас выследить?»

«Я и говорю, их кто-то навел. – Седой нахохлился. – Хотя у Равновесия, первого и второго, тоже есть абсолютники нашего уровня. Но главное не в этом. Почему они не стреляли, хотел бы я знать?»

«Как это не стреляли? – удивился спутник седого. – Только что не с двух рук!»

«Они пытались ликвидировать тебя как обережника. В меня они не стреляли. Почему?»

Черноволосый в задумчивости поскреб бородку, покосился на тела оперов Равновесия, которых они называли «волчицами».

«Это означает, что тебя хотели взять живым».

«Это означает, что они *знают*, кто я такой. А упыри Метакона никогда не стали бы оставлять в живых абсолютника, проникшего в их секретные файлы».

«Следовательно, это инициатива руководителей второго Равновесия. Жаль, что эти хищницы мертвы, они бы навели нас на своих командиров».

«Не уверен. Все оперы подобного типа знают лишь то, что им положено знать для уничтожения объекта, не больше. Другое дело...» – Черноволосый не закончил.

Поодаль снова протаял в пространстве кокон квантового тоннельного перехода, внутри которого заворочались «змеи» переправляемых через пространство людей.

Человек с седой щетиной на щеках скомандовал:

«Уходим! Держись за меня!»

Вершина пирамиды на Плутоне опустела. Когда процесс перехода закончился и на площадке пирамиды оказались три «волчицы» в защитных спецкостюмах, беглецов и след простыл.

Небритый мужчина, назвавший себя абсолютником, и его защитник-воин, назвавший его инбой, оказались на льдисто-снежной равнине, исполосованный гигантскими трещинами и грядками, под сетью огромных трубопроводов, накинутой практически на всю поверхность планеты. С труб десятиметрового и большего диаметра свисали на избитую щербинами метеоритных кратеров равнину колоссальные натеки льда, создавая своеобразный ландшафт, целые «леса» сталактитов, в кристаллических сколах которых лучи Солнца – здесь оно было уже размером с монету – высекали разноцветные искры. Это была Европа, спутник Юпитера. Сеть трубопроводов, видимая даже из космоса на больших расстояниях и напоминавшая артерии живого организма, представляла собой остатки глобальной коммуникационной системы, которая в давние времена выполняла комплексные функции энергосистемы, а также транспортной и информационно-связной сети планеты. Разумные существа океана Европы людьми не были, с виду они походили на помесь дельфина с осьминогом, способную ужаснуть любую впечатлительную натуру. Но в космос – слой льда был для них «небом» – европейцы выходили неохотно и очень редко, особенно в последние сто лет. Их популяция на Европе составляла к данному моменту всего около трех тысяч особей.

«Ты хочешь попросить помощи у дельфиногов? – спросил смуглолицый спутник небритого. – Вряд ли они захотят вмешаться в наши разборки».

Седой не ответил, зачарованно разглядывая пейзаж.

Юпитера видно не было, гигант прятался за «спиной» Европы, но и удивительное ажурно-ледяное пространственное кружево сталактитов, снежных наносов и паутинной сети труб захватывало воображение. Кое-где среди борозд и в центрах углублений виднелись блестящие полусферические купола – своеобразные смотровые колодцы и телескопы европейцев, пронизывающие ледяную толщу, однако в большинстве своем купола эти были матовыми, заросшими льдистой коркой, а то и разбитыми вдребезги метеоритной бомбардировкой. Обслуживать их было, по сути, некому.

Температура на поверхности Европы не превышала минус ста пятидесяти градусов по Цельсию, но подо льдом она поддерживалась на вполне комфортном для жизни уровне – плюс пятнадцать градусов, а ближе к ядру повышалась до плюс пятидесяти благодаря потоку тепла, излучаемого ядром. Именно это обстоятельство, небольшая сила тяжести да «ледяная» защита от космического излучения и метеоритных потоков и позволили уцелеть популяции европейцев-дельфиногов, давно уже не помышлявших о влиянии не только на Регулюм, но и на свою собственную остывающую планетку.

Атмосфера Европы была весьма разреженной и состояла из метана, аммиака и углекислого газа, дышать в ней человеку было невозможно, и даже беглецам от неведомых «волчиц» Равновесия нельзя было долго находиться на поверхности спутника Юпитера, несмотря на их умение создавать вокруг себя витасферу – слой временно пригодного для существования континуума.

«Что с тобой? – осведомился черноволосый бородач. – Надо бежать на Марс, искать защиты у фундатора. Он изменит траекторию нашего локального перемещения...»

«Мировую линию жизни он изменить не в состоянии. К тому же нас перехватят раньше, чем мы доберемся до центра, либо здесь, либо в прошлом, либо в будущем. Фундатор не знает о нашем положении».

«Все равно надо что-то делать...»

«Я пытаюсь».

С тихим гулом один из ближайших куполов, прикрывающих смотровой колодец, стал подниматься вверх, лопнул и разошелся лепестками кувшинки. Из колодца вырвался клуб пара, затем выполз многосегментный чешуйчатый цилиндр бордового цвета, окутанный паром, червяком спустился на изборожденную торосами поверхность льда и двинулся в сторону замерших людей.

«Бежим!» – бросил черноволосый, доставая свой нож с волнистым черным лезвием.

«Не спеши, – остановил его седой. – Это не преследователи».

Металлический чешуйчатый «червяк» диаметром около двадцати метров достиг людей, остановился. В тупом переднем торце его с бульканием проросли полтора десятка выпуклых линз. Люди почувствовали чей-то пристальный тяжелый взгляд: обитатель океана Европы, одетый в червеобразный скафандр, владел ментальным обменом и спрашивал землян, что им нужно.

«Укрытие, – ответил старший. – За нами идет погоня».

«Кто?» – спросил укрытый броней абориген.

«Метакон».

Европеец знал, о чем идет речь.

«От пастухов Метакона укрыться в пределах данного Регулюма невозможно. К тому же мы не имеем убежищ, гарантирующих вашу неприкосновенность и даже поддержание условий существования для таких созданий, как вы».

«Тогда мы погибнем».

«Сожалею, но ничем не могу помочь. Я один наблюдатель на весь мой мир. Метакон же не ошибается, ликвидируя потенциальную угрозу метаистории Регулюма».

«Спасибо за поддержку, – с иронией сказал черноволосый. – Может, подскажешь, что нам делать в этой ситуации?»

«У вас только один выход: внедрение и передача эйконала кому-нибудь из соотечественников».

Земляне переглянулись.

«Это не решит проблемы нашей безопасности, – сказал черноволосый. – Нас все равно уничтожат. Не в прошлом, так в будущем. Если бы мы могли уйти за границы Регулюма...»

«У меня нет доступа к базе данных Метакона. Я и так сделал ошибку, ответив на ваш вызов. Прощайте».

Гигантский «червяк» зашевелился и стал неуклюже уползать в смотровой колодец.

«Прощай, – пробормотал седой, провожая его глазами. – Я не надеялся на твою помощь».

«Может быть, ты сможешь пробить барьер Регулюма? – с надеждой спросил защитник седого. – Ты же абсолютник».

Тот покачал головой.

«У каждого абсолютника есть предел, у меня тоже. Я должен был предвидеть последствия прорыва в запредельное Знание, но понадеялся на авось. И тебя втянул в эту затею».

«Червяк» европейца исчез в отверстии колодца, закрылась «дверь» – полупрозрачный купол. Движение на поверхности расколотой трещинами равнины замерло. Однако ненадолго. Снова недалеко от беглецов с Земли появилась туманно-зыбкая полусфера со «змеями» внутри – погоня добралась и до Европы, – и заросшему многодневной щетиной инбе – инспектору баланса, выполняющему волю fundатора, руководителя структуры третьего ранга – СТАБСа, пришлось отступать. Не принимая боя, земляне вызвали особое резонансное состояние, имеющее на разных языках разное название: тахаба-хааба – на древнетольтекском, хабаала – на арабском, тхабс – на тибетском наречии китайского, волхварь – на древнерусском. Однако корень у этих слов был один – хаб, *умение*. Абсолютник-инба и его телохранитель *умели* преодолевать пространство, «не замечая» его.

Тоннельный переход выбросил их в одну из контролируемых Равновесием (Равновесием-А, назовем эту организацию так, потому что существовало еще одно Равновесие, Равновесие-К) зон на территории России. Равновесие-А представляло собой лидер-систему, контролирующую Регулюм в соответствии со своими понятиями и нормами, в то время как Равновесие-К также пыталось регулировать жизнь Регулюма в соответствии с теми же законами, поэтому зачастую цели этих лидер-систем не совпадали. Пикантность же ситуации состояла в том, что СТАБС, к которому принадлежали инба и его обережник-телохранитель, представляла собой систему более высокого ранга, контролирующую деятельность обоих Равновесий, ее работники – инспекторы баланса, эксперты и аналитики – обладали большими полномочиями и возможностями, но охота шла именно за инбой, и вели ее именно оперативники Равновесия-К, состоящего практически из одних женщин. В отличие от Равновесия-А, управляемого мужчинами.

Впрочем, инба по имени Цалыг знал, почему его преследуют равновесники, явно ведомые наводчиками Метакона, и особых иллюзий не строил. К моменту появления на Земле у него сформировалась идея, которую он уже не мог проверить сам, идея о вмешательстве в его судьбу самого fundатора. Глава СТАБСа не терпел самостоятельности своих подчиненных и вполне мог попросить руководство Метакона об «ограничении» свободы своего работника. Остальное было уже дело техники. Упыри – устранители препятствий Метакона, ориентированные на пресечение утечки информации, – не всегда уничтожали объект беспокойства сами, они могли передоверить эту функцию и оперработникам рангом пониже, тем же «волчицам».

Стабильных зон Регулюма, почти свободных от воздействий извне, на Земле было много. Одна из них, принадлежащая российскому филиалу и одновременно выбранная главой Равновесия-А в качестве центра управления, находилась в Москве. Беглецы выбрали именно эту зону и очутились на мосту через железнодорожные пути, недалеко от станции метро «Авиаторная». Шел двенадцатый час ночи, поэтому прохожих на мосту было совсем немного, один-два человека. Через мост в обе стороны катили потоки автомашин, но ни прохожие, ни занятые своими мыслями и разговорами водители не заметили двух высоких мужчин в странных плащах-комбинезонах, появившихся прямо на дороге перед темно-зеленым «Рено-Сцеником», в котором сидел одинокий водитель – молодой человек лет двадцати восьми, шатен с длинными волосами. У водителя были упрямо сдвинутые брови, курносый нос и крупные губы, готовые вопреки суровой складке бровей сложиться в приятную улыбку. Демонстрируя хорошую реакцию, он сумел затормозить свой автомобиль буквально в сантиметрах от появившихся из воздуха мужчин, очнулся от своих мыслей и от переполнявших душу чувств высунулся в окно, явно собираясь высказать свое отношение к пешеходам, бросающимся под колеса машин. Но увидел горящий взгляд высокого старикана с седой щетиной на впалых щеках, и слова застряли у него в горле.

– Поосторожнее, черт бы вас побрал! – пробормотал он после паузы, переводя взгляд с одного незнакомца на другого. – Не каждый смог бы остановиться на моем месте. Откуда вы свалились?

– С неба, – хмуро улыбнулся старик, рост которого явно превышал два метра. – Извини за вмешательство в твою судьбу, землянин, но у нас нет иного выхода.

– Быстрее, Цалг, – поторопил его спутник, пониже ростом, с вытянутым смуглым лицом в рамке баков и бороды, в руке которого тускло блеснул нож. – Они где-то близко...

– Вы это чего?.. – заволновался водитель. – Я же не виноват, вы сами под колеса сунулись...

– Прости, Станислав, – снова раздвинул губы в извиняющейся улыбке старик. – Видно, на роду у тебя написано принять от нас эйконал.

– Откуда вы меня знаете? – вытаращился молодой человек.

– Держи, пригодится, – наклонился к окну смуглолицый мужчина, протягивая водителю нож. – Осторожнее, это мономоник, очень острый.

– Да зачем он мне?!

Седоволосый незнакомец вместо ответа выбросил вперед засветившийся кулак, ставший прозрачно-розовым, как раскаленное стекло, с костяшек пальцев выросли змеящиеся нити розоватого свечения, соединились в один рукав света, и этот рукав вонзился в глаза водителя «Рено». Парень вскрикнул, отшатываясь и прикрывая лицо ладонями.

– Смотри на меня! – властно приказал старик, не обращая внимания на проезжавшие мимо автомобили, повернул голову к спутнику: – Присоединяйся, дашь ему свой эйконал воина, может, это ему когда-нибудь пригодится.

– Он не выдержит...

– Ничего, парень крепкий, я его просканировал. Включайся.

Смуглолицый напарник старика тоже вытянул вперед кулак, из которого вырос ручей розового свечения и влился в «стебель» света из кулака инбы. Световой столб всосался в голову потерявшего сознание водителя, рассыпался облачком искр, исчез.

– Уходим, – пробормотал инба. – Надеюсь, наш контакт слухачи Метакона не засекли.

– Не уверен, над нами как раз проходит спутник, аппаратура которого сканирует Москву.

– Нам он уже не повредит, а ему придется выпутываться самому. Попробуй выжить, парень.

Не оглядываясь, оба торопливо пересекли мост, повернули направо и спустились в арку, собираясь миновать железнодорожные пути, но далеко уйти не успели. Преследователи учли

неудачный опыт остановки инбы и его телохранителя и решили перестраховаться, выслав в погоню сразу две группы охотников.

Водители двух автомашин, проезжавших под аркой моста в этот момент, стали свидетелями короткого боя двух мужчин в мешковатых одеяниях с десятком «спецназовцев» в странных комбинезонах со множеством деталей, делавших их хозяев похожими на роботов.

Один из мужчин успел свалить на асфальт трех «роботов», отобрал у одного из них оружие – сверхсовременного вида автомат и открыл огонь по другим «роботам», защищая второго мужчину с седой щетиной на щеках. Еще трое «спецназовцев» легли на тротуар, чтобы не встать, но остальные сосредоточили огонь на метавшейся с невероятной скоростью фигуре, и черноволосый защитник инбы умер, получив полсотни пуль в грудь и голову.

Подскочив к старику, «роботы» накинули на него светящуюся сеть, но он одним движением разорвал ее и с недюжинной силой ударил ближайшего, так что тот отлетел к опоре моста. Один из «спецназовцев» рефлекторно нажал на спуск автомата, и струя пуль вонзилась в голову старика. Он упал.

К застывшей группе «роботов» метнулись две выскочившие из подъехавшей серой «Тойоты-Короллы» женщины в строгих темно-синих костюмах. Одна из них нагнулась к телу инбы, прижала палец к шее, прошептала что-то сквозь зубы, выпрямилась.

– Я же просила взять его живым!

«Робот», убивший старика, опустил автомат, откинулось забрало шлема, и на женщину в штатском костюме глянули глаза красивой японки.

– Простите, генерал-сан, я не хотела...

– Вычту из жалованья, лейтенант. Маршалессе нужен был живой инба, а не мертвый. Работайте по полному профилю. Они с кем-то контактировали на мосту, найдите и уничтожьте!

– По мосту проехало больше сотни машин, – мрачно проворчала вторая женщина в темно-синем костюме, широконогая, с низким массивным лбом. – Вряд ли нам удастся определить всех свидетелей.

– Наблюдатели зоны фиксировали через спутник всю картинку на мосту, разберитесь.

Женщина в деловом костюме села в машину, вторая заняла место водителя, «Тойота» уехала.

Оставшиеся в живых «волчицы» переглянулись. Открылось забрало еще одного шлема, показывая лицо брюнетки с ярко окрашенными губами.

– Легче искать иголку в стоге сена, – скривилась она.

– Найдем, – успокоила ее напарница-японка. – Забираем убитых и уходим.

– А с этими что делать? – махнула рукой брюнетка на водителей двух машин под аркой, ошеломленно разглядывающих сцену боя.

– Свидетели нам ни к чему.

Брюнетка подняла автомат и всадила две очереди в автомобили. Затем «волчицы» быстро покидали тела убитых напарниц и мужчин в плащах в подъехавшую «Газель» и уехали. На тротуаре остались только лужи крови да гильзы от автоматов. И два изрешеченных пулями автомобиля. Тела убитых шоферов «волчицы» забирать с собой не стали.

ПЕРЕХОД ПРИЧИНЫ В СЛЕДСТВИЕ

Он бежал по мрачному, полному таинственного скрытого движения подземному лабиринту, слыша за спиной топот сапог преследователей, понимал, что это сон, и не мог проснуться. А каменный коридор с бугристым полом все раздваивался, сужался, петлял, превратился в мост над пропастью, мост странный – из каменных столбов с плоскими вершинами, образующих цепочку опор. Из туманной дали выступили очертания старинного замка, сложенного не из каменных глыб или блоков, а из гигантских костей, и в это время с неба на вершину столба впереди упала черная тень и превратилась в трехглазого старика в рваном плаще, с седой щетиной на лице и светящимися кроваво-красными глазами.

Стас перестал скакать, как заяц, со столба на столб, в отчаянии оглянулся и увидел второго преследователя, с угрюмым смуглым лицом в кольце бороды и бакенбардов. Смуглолицый вытянул вперед руку с огромным указательным пальцем, направил палец на Стаса.

– Прыгай! – раздался его гулкий раскатистый голос.

С пальца чернобородого сорвался сгусток розового огня. Стас пригнулся, пропуская сгусток над собой, но не удержался и с криком свалился в сияющую туманную бездну. Завыл в ушах ветер, скорость падения стремительно начала увеличиваться, внизу показался хаос скал и россыпи камней, а когда удар о камни казался неминуемым, он с криком подхватился с кровати в липком холодном поту, широко раскрытыми глазами разглядывая мирную обстановку спальни.

Через минуту лег, унимая бешено колотившееся сердце, потом встал и поплелся в ванную, чувствуя себя разбитым и больным. В затылке словно застряла заноза, точнее, косточка абрикоса или сливы, и это ощущение не покидало Стаса уже два дня, с момента его встречи с двумя незнакомцами на мосту через железнодорожные пути в районе «Авиамоторной», когда он ехал из издательства домой. Встреча произвела на него такое впечатление, что странные мужики в необычного покроя плащах снились ему теперь каждую ночь, не помогали ни успокаивающие таблетки, ни аутогенная тренировка, и Стас в конце концов решил обратиться к врачу. Хотя был твердо уверен, что встреча на мосту ему не пригрезилась и двое баскетбольного роста мужчин сунулись под колеса его «Рено» на самом деле.

После того как они «разрядили» в него свои кулаки, Стас доехал до дома на полном автопилоте, и факт этот тоже не подлежал сомнению, как и то, что на полу кабины он потом обнаружил диковинной формы нож с острым как бритва, волнистым лезвием. Вспомнилась не то чтобы добрая, но извиняющаяся улыбка старика, его странная фраза:

– Прости, Стас. Видно, такова твоя судьба...

Что он хотел сказать этими словами? Почему извинялся? Каким образом его кулак превратился в электрошокер? И откуда он узнал имя водителя «Рено», случайно попавшегося на пути?

– Абракадабра! – пробормотал Стас, направляясь в ванную.

Ответов на эти вопросы у него не было, а сомнения в трезвости ума уже появились.

Стас – Станислав Кириллович Панов, тридцати лет от роду, шатен, метр семьдесят пять, спортсмен-любитель – теннисист, не женат, генеральный директор издательства «Дар» (название издательство в конце девяносто девятого года получило от имени Дарья, так звали девушку Стаса, с которой он был знаком три с лишним года), – принял душ, сварил себе кофе, оделся и позавтракал, все еще переживая отдельные эпизоды сна.

Жил он в двухкомнатной квартире на проспекте Жукова один, лишь Дарья появлялась здесь регулярно, да мама изредка навещала сына, чтобы навести порядок в холостяцкой квартире, хотя сама жила не близко, на Сухаревской площади.

В девять часов Стас вывел машину из гаража, находившегося прямо под домом, и мысли его свернули в другое русло. Когда он подъехал к офису издательства, располагавшемуся в пятиэтажном здании бывшего стройтреста на Первой улице Энтузиастов, его занимали уже другие проблемы, издательские: предстоящая покупка бумажного комбината в Твери, расширение площадей, редакторские дела и финансовые отчеты. Хотя нет-нет да и вспоминался сон с преследователями в плащах.

В одиннадцать часов он провел оперативное совещание, обсудил с главбухом издательства, с которым когда-то учился в школе, финансовые дела и поехал на Хорошевку, на встречу с главой банка «Москредит», от которого зависела судьба покупки издательством собственного бумажного комбината. В этом же банке работала и Дарья Валентиновна Страшко, подруга Стаса на протяжении последних трех лет. Правда, что пора жениться, Стас сообразил недавно. Дарья любила его и была чрезвычайно терпеливой женщиной, притом – красивой и умной, что в нынешние времена редкость, но вряд ли ее устраивало такое положение вещей, хотя она и не показывала Панову своего заинтересованного отношения к замужеству. И все же он созрел благодаря маме, обратившей внимание на то обстоятельство, что сын с подружкой стал встречаться реже.

Стас и сам заметил, что Дарья приходит к нему все неохотней, но все никак не мог, да и не хотел, честно говоря, поменять образ жизни, который его устраивал. Но мама в последнюю их встречу вдруг грустно сказала:

– Сынок, а ведь ей уже двадцать семь лет.

– Ну и что? – не понял Стас.

– Ничего, – улыбнулась Зоя Николаевна. – Внуков хочу...

Этот разговор и привел Стаса к состоянию внутренних разборок с самим собой, в результате чего он пришел к мнению, что – пора. Пора узаконить отношения с любимой женщиной, ждущей этого шага, как и все женщины мира. Это лишь для мужчин не имеет значения – формальны или неформальны их отношения с женским полом, дай им волю, большинство из них никогда не переступило бы порог загса, но для женщины факт брака имеет гораздо большее значение, и Стас наконец это осознал.

Естественно, сначала он забежал в кассовый зал банка, чтобы увидеть Дарью и договориться о встрече. Хмурый вид девушки его не смутил.

– Привет, боярыня, – сказал он, протягивая ей букет роз. – Что-нибудь случилось? Отчего вид похоронный?

– Ничего не случилось, – слабо улыбнулась Дарья, глянув на Стаса слегка раскосыми глазами; она уверяла, что в жилах ее предков течет и тюркская кровь. – Не очень хорошо себя чувствую.

– Надеюсь, ничего серьезного? – встревожился Стас. – Сможешь съездить со мной после обеда в одно место?

Дарья покачала головой, увенчанной короной из волос, в которую она превратила свою роскошную косу.

– Не смогу, меня не отпустят.

– Если я попрошу, отпустят.

– Зачем? Куда ты хочешь поехать?

– В загс, – пожал плечами Стас.

Глаза девушки раскрылись шире, в них сквозь недоверие и печаль вспыхнули искры изумления и радости.

– Ты... серьезно?!

– Еще как, – небрежно сказал Стас. – Будь готова к трем часам, я за тобой заеду.

Он сунул в окошко руку, погладил вздрогнувшие пальцы девушки, уловил ответное касание и направился к выходу из зала, провожаемый засиявшими глазами Дарьи. А у колонны

посреди зала ему преградила путь молодая женщина в деловом темно-синем костюме, широкая, некрасивая, с широким носом и низким лбом.

– Господин Панов?

– Да, я, – остановился Стас.

– Пройдемте со мной.

– А в чем дело? – озадаченно посмотрел он на незнакомку. – Вы кто?

Женщина достала из сумочки красную книжечку с вытесненным на ней двуглавым золотым орлом, махнула ею перед носом Стаса и упрятала обратно.

– Я следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры.

– Ну и что? Меня обвиняют в криминале?

– Вы находились вечером седьмого сентября на мосту через железнодорожные пути возле станции «Авиамоторная»?

Станислав снова вспомнил встречу с двумя незнакомцами в странных плащах, в душе невольно шевельнулся страх.

– Н-не помню. А в чем все-таки дело?

Из вестибюля выглянул штатный сотрудник секьюрити банка, знавший Панова, направился к разговаривающим. Женщина – следователь Генпрокуратуры оглянулась на него, бросила Стасу сквозь зубы:

– Постарайтесь припомнить точное время, когда вы ехали через этот мост.

– Ну-у... где-то около одиннадцати часов, – пробормотал сбитый с толку Панов. – Задержался на работе и... да в чем дело, в конце концов?!

– Проблемы, Станислав Кириллович? – подошел охранник.

– Спасибо, – сказала женщина и, не глядя на парня, пошла к выходу из зала.

Мужчины молча смотрели ей вслед.

– Кто это? – поинтересовался охранник.

– Следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры.

– Ух ты! – усмехнулся охранник. – Важная дама. Неужели издательство «Дар» попало в поле зрения Генпрокуратуры? Признавайтесь, что вы там напечатали?

– Мы много чего печатаем, – пробормотал Стас. – Только интерес у следователя другой...

Он оглянулся, махнул рукой наблюдавшей за ним из окошка кассы Дарье и направился на второй этаж здания, где его ждал президент банка. Дама из прокуратуры ему не понравилась, как и ее неожиданный интерес к происшествию на мосту. Генеральная прокуратура пустяками не занималась, и если следователям стало известно, что вечером седьмого сентября Панов ехал по автострате через железнодорожные пути в районе «Авиамоторной», следовательно, там что-то произошло. Что-то серьезное, помимо контакта Станислава с двумя мужчинами необычного вида, со стреляющими молниями кулаками.

В банке Стас задержался ненадолго, молодой президент «Москредита» решал все вопросы быстро и оперативно, как и сам Панов, и даже согласился отпустить Дарью с работы, узнав причину, по какой его клиент просил отпустить работницу. После этого Стас помчался в издательство, а оттуда – за цветами на рынок, чувствуя, как в душе растет *ожидание* каких-то перемен в жизни. К половине третьего он был уже на мосту, соединявшем улицы Беговую и Девятьсот пятого года над железнодорожными путями; оставалось лишь свернуть под мост и выехать на Хорошевское шоссе, в начале которого располагалось здание банка «Москредит», когда следовавший за машиной Панова джип «Шевроле» с черными стеклами (Стас заметил его за собой давно, но не придавал значения) догнал «Рено-Сценик» и на повороте с ходу врезался в заднее крыло машины. «Рено» Панова от удара развернуло на девяносто градусов, выбросило на полосу встречного движения, и боковым зрением он успел увидеть надвигавшийся капот фургона «Континенталь». Последняя мысль его была: как странно, опять меня подловили на мосту... Потом наступила темнота и тишина.

В себя он пришел только на второй день после автокатастрофы. Сосед по палате потом сообщил, что корпус машины Стаса пришлось разрезать, чтобы вытащить его из кабины: дверцы так деформировались от бокового удара, что открыть их оказалось невозможно. Однако Станислава спасла воздушная подушка, предохранившая грудную клетку от переломов ребер и лицо от порезов, и сравнительно небольшая скорость движения на повороте, и все же прогнувшаяся крыша кабины едва не раздавила ему голову (врач сказал, что разошлись швы черепа), что и послужило причиной суточного шока и беспометства. И тем не менее Стас выжил.

На третий день он стал понимать, что находится в реанимации. На четвертый узнал маму. На пятый ему разрешили принять делегацию сотрудников издательства, искренне переживавших за здоровье своего директора, а вечером четырнадцатого сентября Стас дождался прихода мамы и спросил, не звонила ли Дарья.

– Не знаешь, почему она не приходит? – добавил он. – Может быть, уехала куда-нибудь в командировку?

– Какая Дарья? – удивилась Зоя Николаевна.

– То есть как это – какая Дарья? – ошеломленно уставился на мать Станислав. – Шутишь, мам?

Лицо Зои Николаевны отразило недоумение и опасение:

– Что с тобой, сынок? О какой Дарье ты говоришь?

– Брось разыгрывать, ма, – досадливо поморщился Стас. – Ты мне плешь проела, уговаривая жениться на ней. Между прочим, я сделал ей предложение и перед аварией хотел везти в загс. Неужели она не знает, что я в больнице?

Мама с тревогой заглянула в глаза сына, лежащего с перебинтованной головой и руками, которые порезало осколками стекла.

– Это, наверное, последствия травмы, сынок. Никакой Дарьи я не знаю, ты меня никогда с ней не знакомил и ничего о ней не рассказывал. Может быть, ты имеешь в виду Сашу? Помнишь, я как-то видела ее у тебя?

– Какую Сашу? – нахмурился Стас. – У меня отродясь знакомых Саш не было. Перестань прикидываться, мам! Может, с Дарьей что-нибудь случилось, а ты не хочешь говорить? – Он приподнялся на локтях, и тотчас же раздался звонок медрегистратора, анализирующего состояние пациента.

В палату заглянула медсестра.

– Лежи, лежи, – испуганно проговорила мама, укладывая сына на кровать. – Все образуется, не волнуйся. Ты получил сотрясение мозга, вот и мнишься, будто был знаком с какой-то Дарьей.

– Да не с какой-то! – выпалил Стас, чувствуя, как голова начинает звенеть, перед глазами поплыли разноцветные круги. – Дарья в банке «Москредит» работает, ты ее видела...

– Сейчас, сейчас, – ласково проговорила медсестра, ее ловкие пальчики пробежались по груди Стаса, обнажили руку, сделали укол. – Все пройдет, не волнуйтесь, все образуется...

Голова закружилась, Стас начал *уплывать* в сияющее туманное марево, но все же успел упрямо пробормотать:

– Дарья... моя... невеста... позовите ее...

Потом ему все стало безразлично.

Однако вопреки надеждам матери и врачей он не забыл о Дарье и снова потребовал, чтобы ее попросили приехать в больницу. И не успокоился до тех пор, пока Зоя Николаевна не съездила в банк и не привела с собой одного из его менеджеров, которого Стас не знал и который сообщил, что Дарья Валентиновна Страшко у них никогда не работала.

Это сообщение так потрясло Панова, что ему стало плохо и он сутки провалился в полубреду, изредка всплывая в явь и вяло требуя провести расследование: куда пропала Дарья, с которой он встречался целых три года.

Шестнадцатого сентября благодаря усилиям врачей он успокоился, принял их объяснения ситуации: «У вас сработал эффект ложной памяти, молодой человек, это последствия травмы головы, так называемый посттравматический синдром, это пройдет...» – но не поверил ни одному их слову, решив после выхода из больницы отыскать Дарью самостоятельно. Сомнения в собственной трезвости и памяти у него были, однако он отчетливо помнил чуть ли не каждую минуту встреч с Дарьей, ее поцелуи, жаркий шепот: любимый мой! – объятия, лукавые взгляды и сдвинутые в моменты ссор брови. Она существовала! И никакие доводы врачей не могли поколебать уверенности Стаса в ее реальности.

Вскоре его из реанимационного отделения перевели в стационар, в обычную лечебную палату, где уже лежали двое выздоравливающих: молодой парень по имени Анатолий, поправившийся после операции на колене, и средних лет толстяк Семен Семеныч с переломом тазобедренного сустава. Толстяк оказался офицером-химиком, относительно недавно ушедшим на пенсию по выслуге лет, а также страстным любителем кроссвордов. Он мог разгадывать их утром, днем, вечером и даже ночью, постоянно донимая соседей по палате вопросами и удивляясь, почему Стас, эрудиция которого превосходила воображение бывшего капитана-химика, не увлекается кроссвордами. Он-то и послужил новым раздражителем для медленно восстанавливающейся психики Панова, и без того переживавшего странное отсутствие Дарьи.

Семнадцатого сентября, в пятницу, после обеда, когда Стас вернулся из столовой в палату и собрался заняться документами и письмами, которые ему принесли из издательства, кроссвордолобитель Семен Семеныч обратился к нему с вопросом, не отрываясь от страницы какой-то газеты с очередным кроссвордом:

– Слово из восьми букв: главный элемент процессора компьютера. Предпоследняя буква – «и».

– Микрочип, – ответил Анатолий, лежавший с зафиксированной после операции ногой; он читал книгу.

Стас, никогда не встречавший этого слова, заинтересованно посмотрел на парня:

– Как ты сказал? Ну-ка еще раз.

– Элемент процессора – микрочип, – повторил Анатолий. – Или просто чип. С английского – электронная деталь. Неужели не знаешь? Да чипы стоят во всех компьютерах.

– Первый раз слышу, – признался Стас. – До сих пор мне казалось, что микросхемы называются иначе – смопами. От английских слов «маленький слоеный пирог».

– Не сочиняй, – засмеялся Анатолий. – Все знают, что вся сложная электроника работает на микрочипах.

– Да не сочиняю я!.. – хотел было вспылить Стас и осекся, в который раз вспомнив странное исчезновение Дарьи.

Чтобы его не считали сумасшедшим, а такие мысли уже приходили в голову, следовало молчать о своих «открытиях» и докапываться до истины самому.

– Ты что, всерьез считаешь, что чип называется... этим, как там его... смопом? – поинтересовался Анатолий.

– Я пошутил, – очнулся Стас, ощущая болезненную пульсацию крови в затылке, там, где с недавних пор он стал чувствовать какое-то инородное тело; впечатление было такое, что там действительно застряла сливовая косточка. – Просто удивляюсь, что в русском языке не нашлось адекватного слова, отвечающего понятию этого вашего... чипа.

– Букв, наверно, не хватило, – засмеялся Анатолий, в то время как Семен Семеныч продолжал корпеть над кроссвордом и не слышал, о чем говорили соседи по палате.

– В гавайском алфавите и вовсе двенадцать букв, и ничего, общаются, не заимствуют чужие слова...

Стас прилег, собираясь с мыслями, но усиливающаяся головная боль заставила его переключить внимание на состояние здоровья, и размышления о странностях окружающего мира пришлось перенести на более позднее время. Зато появилась цель – выяснить, есть ли вокруг другие странности, что вообще происходит – с ним или с миром, и вечером Панов принялся за чтение газет, принесенных по его просьбе мамой.

Открытия посыпались одно за другим, так что сомнения в своей психической полноценности снова вернулись к Стасу. Так, например, он с удивлением обнаружил, что никогда прежде не читал газеты «Коммерсантъ». В его кабинет регулярно поступали почти все издаваемые в России газеты, но «Коммерсанта» среди них не было. Это он помнил точно. Зато была газета «Бизнесмен», о которой ничего не слышали мама и киоскер, у которого она покупала газеты для сына.

Новое потрясение ожидало Стаса чуть позже, когда он вычитал в «Известиях» фамилию премьер-министра – Путилин. Панов был совершенно уверен, что премьером полгода назад стал Степанов, бывший министр обороны.

И доконал Стаса визит в больницу Кеши, бывшего однокашника Викентия Садовского, ставшего в одночасье... космонавтом! Узнав об этом, Стас почувствовал слабость в коленках и понял, что с ним все же творится что-то неладное. До момента встречи в больнице он знал, что Кеша работает прорабом в частной строительной конторе и пишет стихи. Космонавт же Викентий Садовский, как выяснилось, стихов не писал, зато уже дважды побывал в космосе на станциях «Мир» и «Альфа», а два дня назад вернулся с Луны, где строилась первая международная лунная станция «Селена», и, конечно же, первым делом поспешил навестить «закадычного» друга!

После этого известия у Стаса случился сильнейший приступ головной боли, и врач выгнал посетителя из палаты. Испуганный Садовский пообещал прийти на следующий день, но все же Стас, несмотря на свое состояние, заметил, что Викентий явно находится под впечатлением каких-то событий, о чем он и хотел поговорить с другом. И вместе с тем Стас был абсолютно уверен, что до аварии *никогда* не слышал о совместном строительстве – русские, американцы, китайцы и французы – станции на Луне.

Вокруг суетились врачи и медсестры, их голоса отдавались в гулкой пустой голове Стаса колокольным звоном, шевелилась и пульсировала «сливовая косточка» в затылке, а перед мысленным взором светились янтарной желтизной глаза старика (иногда их было три), заросшего седой щетиной, в которых плавилась воля и сомнение, потом старик превратился в Дарью в необычном «космическом» шлеме, она протянула к Стасу руки и проговорила раскатистым басом:

- Отдай, что украл!..
- Что?! – пискнул съезжившийся Стас.
- Знания Бездн!

В голове Стаса вспыхнуло пламя, «сливовая косточка» в затылке отозвалась уколом боли, и он потерял сознание.

В себя Панов пришел к вечеру, увидел сгорбившуюся на стуле возле кровати маму, хотел было спросить, не нашла ли она Дарью, но вовремя прикусил язык. Продолжай он действовать в том же духе, его могли перевести из травматологии в психиатрическое отделение, а из психушки, как известно, на волю выйти потруднее, чем из обычной лечебницы. Надо было ждать окончательного заживления травмы головы, выхода из больницы и лишь потом заниматься выяснением ситуации с «ложной памятью».

ЛИНИЯ, НЕДОСТУПНАЯ ПРЯМОМУ ПРОСЛУШИВАНИЮ

Этот разговор состоялся в пятницу, семнадцатого сентября, после описанных выше событий, между эвменархом, руководителем организации Равновесие-А, и декархом, одним из начальников служб организации, а именно – службы контрразведки. Разумеется, эта служба была глубоко законспирирована и защищена от волевого программирования родственников Равновесию структур, а система компьютерной связи между эвменархом и руководителями подчиненных ему служб, естественно, предохранялась от прослушивания особыми методами модемкодирования и опознавания. Подключиться к линии связи эвменарха было невозможно. Во всяком случае, с помощью аппаратуры, известной ученым, конструкторам и экспертам Равновесия.

– Хвала Равновесию, – услышал эвменарх слегка гортанный голос декарха. – Есть любопытная информация, Эльдар Айдарович. Кто-то в Москве, в районе железнодорожной станции Новая, грохнул инбу с телохраном.

– Кто? – сухо поинтересовался эвменарх.

– Свидетелей нам пока отыскать не удалось, но, по косвенным данным, это «волчицы» маршалессы.

– Каким образом охотницам маршалессы удалось настичь инспектора СТАБСа, свободно передвигающегося в пространстве и во времени в пределах Регулюма?

– Они тоже имеют портативные хаб-генераторы...

– Все равно это нонсенс. Инбы, как правило, – абсолютники, их почти невозможно запеленговать, а тем более догнать.

– Не знаю, Эльдар Айдарович, но факт остается фактом. Инба уничтожен, его обережник тоже, и все это произошло седьмого сентября в зоне, свободной от виртуального сноса. Может быть, «волчиц» кто-то навел на инбу?

Молчание в трубке, потом сухой голос эвменарха:

– Пошлите в район инцидента седьмого сентября свободного наблюдателя. Во что бы то ни стало узнайте, почему РК охотилась на инбу.

– Боюсь, послав наблюдателя, мы деформируем стабилизированный вариант истории узла.

– Выполняйте.

– Слушаюсь. Что мне делать с вашим сыном? Он закончил обучение и жаждет стать активным агентом внутренней зоны Регулюма.

– Я приготовил ему другую работу. Место декарха «восьмерки» скоро освободится, он займет его.

– Но Теодор еще молод...

– Справится. А пока пусть поработает рядовым ликвидатором.

– Ему еще рано активно вмешиваться в конфликты. Я посоветовал бы дать ему сначала полковничью должность.

– Я подумаю.

– Что мне сказать вашему сыну? Не могу же я ему отказать в приеме на работу в «шестерку».

– Лучший способ ответить отказом – вообще не отвечать. Пошлите его ко мне.

– Слушаюсь. Кстати, не хотелось бы выглядеть кляузником, но... это именно Теодор допустил утечку информации на Луне. Один из космонавтов русского отряда последней экс-

педиции, Викентий Садовский, наткнулся на запасной лунный терминал, а ваш сын в этот момент отвлекся и...

– Что значит «отвлекся»? Говорите прямо!

– Н-ну... он... ухаживал за девушкой... не закрыл за собой дверь в терминал и... В общем, известно об этом стало только сегодня.

Минутная пауза.

– Где он?

– Ваш сын сейчас в Гималаях...

– Я имею в виду космонавта.

– Садовский благополучно вернулся на Землю вместе с другими членами экспедиции, прошел послеполетную реабилитацию. По моим сведениям, он еще ни с кем не делился своим открытием.

– Почему?

– Ваш сын все-таки заметил проникшего в терминал и включил пси-защиту. Вероятно, Садовский принял открывшуюся ему картину за галлюцинацию от недостатка кислорода в скафандре. Мы выяснили, что он просто заблудился, повредил антенну и случайно обнаружил вход в терминал. Когда после включения пси-защиты подземный комплекс терминала исчез, Садовский мог решить, что он видел иллюзию. Мы это установим и ликвидируем утечку.

– Может быть, ему тоже «кто-то» помог найти вход в терминал?

– Не думаю, – после секундной заминки ответил начальник службы контрразведки. – Кому и зачем это понадобилось? О терминале на Луне знают единицы...

– На Луне расположены не только наши центры, но и базы РК и, возможно, следящие системы СТАБСа. Не исключено, что началась какая-то игра в кошки-мышки по переделу зон влияния, нам необходимо оценить угрозу и первыми нанести удар.

– Мы работаем...

– Плохо работаете, Зидан! Слишком много допускаете проколов!

– Но на Луне мы прокололись впервые! Все, что писали в газетах и журналах о находках НЛО на Луне, о «цивилизации селенитов», – это не наши утечки...

– Я знаю, в разбалансировке этого слоя Регулюма нет вашей личной вины, но ликвидаторы работают по *вашим* сведениям, по *вашим* сценариям, а мы в последнее время почему-то сузили ареал влияния на Регулюм. Сделайте надлежащие выводы.

– Слушаюсь, Эльдар Айдарович. Что нам делать с космонавтом? Убрать?

– Это будет слишком заметно, неминуемо начнется расследование, а лишний шум нам ни к чему. Попробуйте определить круг его знакомых, ограничьте контакты, а потом измените его милиссу.

– Хорошо, попробуем, – спокойно сказал декарх. – Главное – сохранить эту операцию в тайне от «волчиц».

Вместо ответа эвменарх отключил линию связи.

Декарх на это не отреагировал и не расстроился. Он был стар и опытен и думал в этот момент, что изменить милиссу – мировую линию существования конкретного человека – довольно легко, однако зачастую это ведет к непредсказуемым последствиям.

НЕЗНАКОМАЯ ЛУНА

О том, что Стас Панов попал в больницу после автодорожной катастрофы, Вадим Борич узнал семнадцатого сентября, вернувшись из отпуска.

Отдыхал он под Калугой на даче у родителей, намереваясь провести там все три недели отпуска, но пошли затяжные осенние дожди, похолодало, и Вадим вернулся в Москву, где погода стояла не в пример теплее и солнечнее.

Уже второй год Вадим работал в Московской налоговой службе, в звании капитана возглавляя группу физической защиты налоговой полиции. До этого он пять лет прослужил в знаменитой бригаде ФСБ «Альфа», в группе антитеррора, но во время одной из операций по освобождению похищенных в Приморье с целью выкупа людей был ранен (пуля снайпера террористов пробила ему шею навылет, чудом миновав сонную артерию), полтора месяца провел в реанимации, а после этого был уволен из рядов «Альфы», где требовались молодые сильные люди с железным здоровьем и крепкими нервами.

Однако физических кондиций Вадим – метр восемьдесят пять росту, восемьдесят килограмм мышц и сухожилий без единой капли жира, прекрасная реакция – практически не потел, продолжал заниматься рукопашным боем, одним из возрождаемых русских стилей под названием суев, некоторое время работал инструктором спецподразделений в армии, точнее – в Военно-воздушной академии, но по совету приятеля перешел в налоговую полицию и остался в Москве, где у него была маленькая однокомнатная квартирка в Бибиреве, на улице Плещеева.

Доложив начальству о прибытии, а также о том, что он готов нести службу, несмотря на не истраченный полностью отпуск, Вадим начал обзванивать друзей и от Кешы Садовского узнал, что Стас в больнице.

– Что с ним? – насторожился Вадим.

– Попал в аварию, – отозвался Садовский, обрадованный тем, что застал Панова дома. – Не волнуйся, живой наш издатель, только черепушку помяло, скоро выйдет. Не хочешь проведать? Я у него был, но могу съездить еще раз. Кстати, мне с тобой поговорить надо.

– Да хоть сейчас. Где он лежит?

– В Склифе, в травматологии. Давай встретимся после шести вечера в метро «Полежаевская», я как раз освобожусь от дел.

– Почему не сразу возле клиники? Где твоя машина?

– В гараже стоит. – Садовский замялся. – Я на ней стараюсь часто не ездить, позавчера едва успел увернуться от бешеного джипа «Шевроле», хорошо, что реакция неплохая. И ты не поверишь... – Садовский снова замялся. – Мне почему-то кажется, что за мной следят.

– У страха глаза велики, – засмеялся Вадим. – Кто за тобой может следить? Разве что поклонницы?

– Ты откуда знаешь?

– Что я знаю?

– За мной действительно следят женщины.

– Да зачем им понадобился бедный российский космонавт? Кстати, как слетал?

– Об этом я и хотел бы с тобой побеседовать. Либо я с ума сошел, либо... В общем, в шесть встречаемся в метро, в центре зала.

Викентий повесил трубку, а Вадим задумчиво прошелся по комнате, оценивая слова и тон, каким Садовский разговаривал. С Кешей они дружили еще со школы, как и со Стасом Пановым, и никогда не забывали друг о друге, куда бы ни забрасывала судьба, и хотя Викентий по натуре был осторожен, рассудителен и уравновешен, что не мешало ему исполнить мечту и стать космонавтом, однако ни разу ни на что не жаловался и никого не боялся. Судя же по его речи в данный момент, он был взволнован, если не серьезно напуган.

– Вот японский мамай! – вслух проговорил Вадим. – Не нравится мне все это! Интересно, что там Кеша обнаружил, на Луне, кроме камней и пыли? Неужто уэллсовских селенитов?

До пяти часов вечера Вадим занимался уборкой квартиры, смел с полок пыль, постирал белье в недавно приобретенной стиральной машине. В свои тридцать лет он был еще не женат, что частично объяснялось спецификой службы в подразделении антитеррора, а частично тем, что для знакомых девушек он ставил очень высокую планку, которую не преодолела ни одна из них. Многие ему нравились, но не до такой степени, чтобы можно было повести их под венец. Впрочем, его успокаивала мысль, что и друзья оставались до сих пор холостяками. Как говаривал Кеша, самый рассудительный из них: у холостого много забот, а у женатого вдвое больше.

Раздался телефонный звонок.

Вадим на ходу вытер мокрые руки полотенцем, снял трубку.

– Господин Борич? – послышался в трубке невыразительный женский голос.

– Слушаю вас, – отозвался Вадим, не узнавая абонента. – С кем имею честь говорить?

– Вы встречались с известным космонавтом Викентием Садовским? – вместо ответа продолжала незнакомка.

– Только собираюсь. А что? Кто говорит? – спохватился Вадим. – Представьтесь, пожалуйста.

– Не обязательно. – В трубке затукали гудки отбоя.

Озадаченно повертев ее в руке, Вадим положил трубку на аппарат. Пожал плечами, размышляя над странным звонком, подумал: не розыгрыш ли самого Кеша? Потом пошел заканчивать стирку.

В начале шестого он натянул джинсы, куртку, бегло глянул на себя в зеркало – не побриться ли? Подумав, взял удостоверение офицера полиции, но оружие – он имел право носить пистолет – брать не стал. Вывел машину из гаража, располагавшегося в двадцати шагах от дома, серебристого цвета старенькую «БМВ» седьмой модели, и без пяти шесть подъехал к выходу из метро «Полежаевская» на улице Куусинена. С трудом нашел свободную нишу между стоящими вплоты автомобилями, выключил мотор, и в это время к нему почти вплотирку подрулил джип «Исудзу-Трупер» с темными стеклами. Из него неторопливо вышли двое широких мощных молодых людей с подбритыми затылками и висками, приблизились к машине Вадима, один из них сказал, лениво растягивая слова:

– Мужик, освободи место, шеф здесь всегда свой аппарат ставит.

– А разве это частная стоянка? – удивился Вадим. – Проедьте чуть вперед и поставьте свой аппарат.

Здоровяки переглянулись. Тот, что заговорил первым, с роскошным чубом и глазками-буравчиками, звонко шлепнул ладонью по крыше «БМВ».

– Мы ж тебе русским языком объясняем, это место машины шефа, он тут контору держит, вали отсюда без базара, усек?

– Усек, – спокойно сказал Вадим. – А вежливости вас не учили, бравы молодцы?

– А ну, выйди! – бросил второй здоровяк, пошире в плечах, с неприятным приплюснутым лицом и тяжелой челюстью, стукнув кулаком по стеклу окна.

– Боюсь, вам это не понравится, – с сожалением вздохнул Вадим, подумав: не опоздать бы на свидание с Кешей.

Открыв дверцу «БМВ», он заметил поднимающуюся руку чубатого и ужом вывернулся из-под удара, нанося ему ответный коленом в пах. Затем отклонил голову от удара питекантропа с огромной челюстью – тот бил ребром ладони вполне грамотно, со знанием дела, – и воткнул ему палец в глаз.

Оба завопили от боли, забыв о присутствии своего загадочного «шефа», чубатый присел на корточки на асфальт, его напарник прижал к травмированному глазу ладонь, вытирая

слезы, заполнившие второй глаз. Из джипа выскочил еще один амбал, двинулся было к Вадиму, доставая нож, но его остановил чей-то голос:

– Кость, не лезь. Садитесь в машину.

Из джипа выглянул молодой человек «кавказского» типа, с усиками, черноволосый и черноглазый, окинул Вадима нехорошим взглядом и скрылся. Его телохранители со стонами залезли в кабину «Исудзу», джип отъехал и стал у обочины дороги через несколько машин впереди.

Проводив глазами возмутителей спокойствия, Вадим с тревогой подумал, что крутые хлопцы могут и отомстить, вымещая гнев на машине, и что лучше бы поставить ее в другом месте, подальше отсюда, но время торопило, он уже и так опаздывал на встречу, и Вадим поспешил в переход, ведущий к метро, не заметив, что за ним из кабины серого цвета «Тойоты-Короллы» внимательно наблюдают две девушки в строгих деловых костюмах синего цвета.

Кеша ждал его у колонны посреди зала станции, нервно поглядывая по сторонам. И уже одно это говорило о его внутреннем напряжении и неуверенности, совершенно ему не свойственной. Вадим и сам почувствовал беспокойство, только теперь оценив состояние друга и его многозначительный намек на слежку.

Они обнялись, Вадим внимательно взгляделся в осунувшееся лицо Садовского с тенями под глазами, кивнул на сиденья для отдыха в центре зала.

– Садись, рассказывай.

Кеша оглянулся, облизнул губы, покачал головой.

– Не здесь. Обрати внимание на молодую даму в синем, что прогуливается у лестницы. Видишь? Я ее еще возле своего дома засек.

Вадим мельком посмотрел на девушку в костюме, с независимым видом прохаживающуюся в начале зала, их глаза на мгновение встретились, и Вадим уловил ощутимый ток внимания, исходивший от незнакомки. И хотя она тотчас же отвернулась, сомневаться не приходилось: за Кешей действительно велось наблюдение.

– Пошли наверх, у меня там машина.

– Может, лучше доедем на метро? Среди людей как-то спокойнее.

– Не бери в голову, ничего нам твои девицы не сделают. В крайнем случае я позвоню своим парням, и у тебя будет собственная команда телохранителей.

Они вышли из метро, сели в машину Борича. Вадим сделал вид, что копается в багажнике, незаметно оглядел стоявшие по обе стороны улицы автомобили и безошибочно определил машину с потенциально опасной «начинкой»: в серого цвета «Тойоте» сидели молодые женщины в костюмах, похожие на ту, что фланировала по залу метро. Не спуская с них глаз, Вадим сел, включил двигатель и все-таки успел заметить, как в кабину «Тойоты» нырнула еще одна женщина в синем. Это была *команда*, действующая не совсем чисто, но, во-первых, едва ли Вадим, как бывший профессионал спецназа, смог бы с ходу определить слежку, не подкажи ему это Кеша, а во-вторых, девицы в одинаковых костюмах вполне могли вести клиента внаглую сознательно, чтобы заставить его паниковать и делать ошибки. Правда, ответа на вопрос, зачем это им понадобилось, у Вадима не было.

Поискав взглядом крутых ребят, попытавшихся согнать его с места у тротуара, и никого из них не увидев, Борич лихо развернулся, переехав центральную разделительную полосу, и погнал «БМВ» по улице Куусинена в сторону Ленинградского проспекта, но свернул налево, на Зорге, и выскочил на Хорошевское шоссе под визг тормозов и ругань едущих в обратную сторону автомашин. Если их и вели наблюдатели неведомой конторы, вряд ли смогли повторить этот маневр.

– Рассказывай, – бросил Вадим, убедившись, что их машину никто не преследует.

– Ну что, я был прав? – с кривой улыбкой сказал Садовский.

– Еще не знаю, слишком мало информации. Рассказывай, с чего все началось.

– А ты поверишь?

– Смотря что ты мне преподнесешь.

– Я и сам себе уже не верю, голова кругом идет. В общем, дело было так. Все началось с момента моего второго выхода из модуля на поверхность Луны...

Викентий не был новичком в космосе, за его спиной были уже два полета на отечественную станцию «Мир», все еще исправно служившую людям после успешной модернизации, и на международную станцию «Альфа», но каждый раз, когда он наблюдал в иллюминатор за станциями, они казались ему удивительными неземными птицами, взмахивающими солнечными батареями, как крыльями. Точно такое же впечатление оставила станция «Мир» и на этот раз, во время пролета мимо корабля лунной экспедиции, в составе которой находился и Садовский.

Викентий не был поэтом, однако романтики не чурался, поэтому сравнение орбитальных поселений с птицами Внеземелья ему понравилось. Станция же на Луне, уже почти законченная и готовая к эксплуатации, казалась ему серебристо-белой ромашкой, чудесным образом распустившейся почти в центре Моря Кризисов.

Место строительства первой лунной исследовательской станции именно в области Моря Кризисов было выбрано людьми не случайно. За сто с лишним лет пристальных наблюдений за лунной поверхностью земные астрономы накопили немало сведений о странных явлениях на спутнике Земли. Это и необычного спектра световые вспышки и пятна, и флуктуации цвета, возникающие в кратерах, таких как Платон и Аристарх, и движущиеся объекты в форме прямоугольников, крестов и сигар. Один из таких прямоугольников – с фиолетовыми краями – достиг кратера Сабин и исчез после вспышки желтого света ¹. А светящаяся сигара длиной в двадцать километров была сфотографирована и с Земли, и с борта «Аполлона-10», облетающего Луну, и позднее с борта «Аполлона-16». Кроме того, на поверхности отнюдь не мертвой спутницы Земли не раз фиксировались огромные объекты, напоминающие двух пересекающихся земляных червей и названные «Икс-устройствами». Их размеры колебались от одного до пяти километров, и в местах их расположения наблюдались направленные, словно выдуваемые пылесосом, струи пыли.

Наблюдались также цветные траншеи, удлиняющиеся со скоростью до шести километров в час, гигантские купола, меняющие окраску, объект, напоминающий мальтийский крест, геометрические фигуры и исчезающие кратеры, движущиеся «булыжники», оставляющие за собой четкие следы на поверхности Луны, щели и разломы, как бы «прихваченные» по краям скобами и двойными «стежками».

Особенно много таких загадочных объектов было зафиксировано как в Море Кризисов, так и в Море Спокойствия, но в Море Кризисов, кроме того, были замечены и другие «технологические сооружения», напоминающие арки, мосты или части коммуникаций, а также механизмы, похожие на черпак для захвата почвы, работу которых фиксировали не только американские астронавты с кораблей «Аполлон-16» и «Аполлон-17», но и советские автоматические станции, исследовавшие Луну в семидесятых годах двадцатого века. Кроме того, там же наблюдались ажурные конструкции типа «суперустройства-1971», как его окрестили американцы, заснявшие это сооружение с борта «Аполлона-14», – гигантские «скобы» и «мостики».

Чтобы объяснить загадочные находки, в те времена строилось множество гипотез как о природе объектов, так и о природе самой Луны. Еще в конце шестидесятых годов советские исследователи Васин и Щербаков предположили, что Луна является искусственным телом, своего рода космическим кораблем, который миллионы лет назад вышел на орбиту вокруг Земли, да так там и остался. Многие ученые, такие как астроном Карл Саган или директор Пулковской обсерватории Александр Дейч, предполагали наличие под поверхностью Луны огромных пещер, условия в которых могли быть благоприятными для жизни. Полеты американских

¹ За этим явлением наблюдали канадские ученые 11 сентября 1967 г.

астронавтов и советских луноходов сделали гипотезу о подлунных пустотах еще более обоснованной. Однако никто из ученых не предполагал и представить не мог истинного положения вещей. Не способствовали этому и неудачи с посылкой зондов Советским Союзом к Марсу, точнее, к спутникам Марса Фобосу и Деймосу, о которых ходила молва, что они искусственного происхождения.

В январе тысяча девятьсот восемьдесят девятого года Фобоса достиг советский аппарат «Фобос-2», на борту которого находилась мощная лазерная установка. С высоты пятидесяти метров она должна была направить луч на поверхность спутника, чтобы провести анализ пород. Но в самом начале эксперимента камера на борту зонда зафиксировала надвигающийся на него объект длиной около двадцати пяти километров (снимки объекта были переданы на Землю и даже показаны по телевидению), после чего связь с зондом внезапно пропала и больше не возобновлялась.

Затем достоянием гласности стали и факты контроля полетов американских кораблей «Джемини» (1965—1966 гг.) и «Аполлонов» (1968—1975 гг.) некими загадочными летающими объектами, а также удивительные слова Нила Армстронга во время приближения к Луне «Аполлона-11», впоследствии совершившего посадку ² на ее поверхность:

«Что это?! В чем, черт побери, дело?! Я хотел бы знать правду, что это такое!»

НАСА: «Что происходит? Что-нибудь не в порядке?»

Армстронг: «Здесь находятся большие объекты, сэр! Огромные! О боже! Здесь другие космические корабли! Они стоят с другой стороны кратера! Находятся на Луне и наблюдают за нами!..»

Позже Нил Армстронг отказался от своих слов, попытался свести их к розыгрышу, но это не спасло его и коллег по полету, Майкла Коллинза и Эдвина Олдрина, от смерти. Все они в конце концов погибли в автомобильных катастрофах при загадочных обстоятельствах.

В начале двадцать первого века на Луну снова обратили внимание космические организации разных стран, ее посетили две экспедиции – американская и смешанная, и количество фиксируемых астрономами и космонавтами удивительных объектов резко сократилось. И все же первую лунную станцию «Селена» решено было строить в зоне с наибольшим числом замеченных загадочных объектов, то есть в Море Кризисов.

Викентий Садовский, хорошо зарекомендовавший себя в орбитальных полетах, вошел в состав пятой лунной экспедиции, доставлявшей на Луну строительный материал и технику для сооружения подземных бункеров и модулей станции, а затем и в последующие. Одиннадцатую экспедицию он доставлял на спутник Земли уже в качестве командира корабля «Россия», созданного на базе российского космического тягача «Протон-2М».

Лунная станция строилась в кратере Вителло, располагавшемся недалеко от центра Моря Кризисов, там, где когда-то наблюдались странные вспышки, движущиеся «булыжники» и «Икс-устройства».

Совершив посадку, космонавты (экспедиция была смешанной, в нее входили двое русских специалистов, не считая командира корабля, американец и француз) начали разгрузку корабля, а затем присоединились к отряду строителей в количестве десяти человек, постоянно работавшему на Луне. Им предстояло пробыть на спутнике семь дней, после чего возвращавшийся аппарат забирал часть смены и улетал на Землю. Случай, о котором Садовский не стал рассказывать никому, произошел с ним в последний день ³ пребывания на Луне, во время его второй вылазки на поверхность.

² 21 июля 1969 г.

³ На Луне нет смены дня и ночи, подобной земной, и космонавты работают там по земному суточному циклу, отсчитывая время условным «днем», равным шестнадцати часам, и «ночью», равной восьми часам.

Перестал слушаться один из автоматических луноходов, доставлявших к месту строительства станции местные породы из карьера, где работал горнопроходческий комбайн, и Викентий, занятый на стройке меньше других, предложил свою помощь в наладке лунохода. Опыт подобного рода работ у него был.

В двенадцать часов «дня» по местному времени он облачился в скафандр, называемый самими космонавтами «куклой», и по отработанной схеме, гарантирующей сохранение герметичности станции, основные помещения которой наполовину были погружены в лунный грунт, выбрался наружу. Ему предстояло проехать на луноцикле – специальном луноходе для двух человек – около двух километров до карьера, установить причину отказа грузового аппарата и вернуться. Садовский так и поступил, слегка изменив лишь последнюю фазу задания: ему захотелось посмотреть на один из экзотических объектов Луны, встречавшихся довольно редко – на «китайскую стену». Одна из них, длиной около ста километров и высотой от ста до пяти-сот метров, начиналась всего в четырех километрах от строившейся лунной станции.

Трудно сказать, что подтолкнуло Викентия посмотреть на «стену» «с тыла», то есть с другой стороны. Возможно, сработала интуиция, подогретая воображением после осмотра участка «китайской стены»: уж очень она напоминала самую настоящую стену, изготовленную искусственным путем. Обходить стену Садовский не стал, возможности луноцикла позволяли ему взлетать в слабом лунном тяготении на сто метров и выше, чем Викентий и воспользовался. А приземлился он неудачно: верхняя часть стены оказалась покатой, и луноцикл соскользнул с нее в расщелину, множество которых создавало удивительный гребенчатый ландшафт.

Среагировал Викентий на падение в расщелину поздно, хотел было на форсаже вывернуть луноцикл невзирая на расход горючего – водорода, однако заметил в глубине расщелины необычный отсвет и позволил аппарату достичь дна.

Сначала ему показалось, что светится порода небольшого участка стены ущелья, причем – правильной геометрической формы, затем он приблизился к источнику света и не поверил глазам: перед ним в неровной бугристой стене виднелось овальное отверстие, открывающее вход в самый настоящий круглый коридор, составленный из металлических колец метровой толщины.

Первым желанием Викентия было сообщить о находке в центр координации и связи, занимавший один из модулей станции, однако ни он не слышал переговоров космонавтов, ни, очевидно, его никто не слышал, так как спутник связи находился в данный момент вне зоны действия радиации скафандра – вследствие того, что Садовский сидел в довольно глубоком – не менее сорока метров – ущелье.

Голос осторожности шептал Викентию, что лучше было бы выбраться на луноцикле наверх и позвать на помощь свободных от вахты коллег. Однако любопытство оказалось сильнее голоса рассудка, и Садовский вошел в коридор, диаметр которого – около двух с половиной метров – позволял космонавту идти не пригибаясь.

Коридор длиной в сто метров, освещенный ручьями жидкого света по потолку, закончился круглой камерой с тремя овальными выпуклыми люками. На одном из них светился зеленый глазок. Викентий инстинктивно шагнул к нему. Люк с тихим шелестом – здесь присутствовала атмосфера! – отошел в сторону, Викентий шагнул вперед и очутился в огромном зале с рядами непонятных ребристых конструкций, пультов и ажурных стеклянных колонн, освещенном двумя голубыми квадратами под куполом потолка. А в центре зала, над черным диском, отблескивающим, как металлическое зеркало, висел огромный, не менее ста метров в диаметре, шар, состоящий из множества вложенных друг в друга хрустально-прозрачных сфер.

Каждая сфера имела свой рисунок, напоминающий карту рельефа какой-то местности или чертеж видимой из космоса инфраструктуры сооружений, линии которых изредка вспыхивали изумрудным, лиловым или алым светом, и эти «рисунки-чертежи» непрерывно изменялись, двигались, текли, бледнели, исчезали и появлялись вновь.

Заинтригованный, ошеломленный открытием, в глубине души даже где-то испуганный, Садовский приблизился к шару, разглядывая рельефные узоры сфер.

Как они держатся одна в другой?! что это такое?! откуда здесь эта конструкция?! кто вообще построил под горным валом такое подземное чудо?! неужели кто-то тайно занимается строительством на Луне альтернативной станции?! – мысли бежали торопливо, наталкиваясь друг на друга и мешая, вопросы были риторическими, ответов Викентий ни от кого не ждал, но очнулся он от какого-то постороннего звука: где-то за ребристыми стеклами раздался лязг открываемой двери.

Викентий очнулся и вдруг испугался по-настоящему. Показалось, что, если его сейчас заметят хозяева подземелья, назад он уже не выберется. И Викентий бросился бежать, подгоняемый разгоряченным воображением. Выбрался в коридор, преодолел его, как спринтер, цокая металлопластиком подошв по металлу пола, прыгнул к луноциклу. Что-то заставило его оглянуться, и Садовскому едва не стало плохо: он увидел, как овал входа в подземный ангар с хрустальными шарами, вложенными друг в друга, как матрешки, расплылся дымком и исчез! Перед растерянным космонавтом угрюмо отблескивала кристалликами слюды стена расщелины, освещенная фонарем луноцикла. Ни коридора, ни двери! Ничего!

Викентий шагнул назад, задержал дыхание, коснулся перчаткой стены, толкнул ее. Стена расщелины была крупнозернистой, твердой и холодной, какой ей полагалось быть при температуре минус двести сорок градусов по Цельсию. Назад Садовский возвращался, полный тягостных раздумий о своем психическом состоянии. Рассказывать о своей «находке» он никому не решился...

– Понимаешь, я посещал ту расщелину еще дважды, – добавил Викентий, искоса глянув на задумчивое лицо Вадима. – Брал аппаратуру, интраскоп, электромагнитные датчики... а когда влез на «стену» в третий раз, то вообще не нашел расщелины.

– То есть?

– Ее там не было!

Вадим хмыкнул, посмотрел на зеркальце заднего вида. Он поставил «БМВ» за главным корпусом клиники, со стороны парка, и мог видеть каждую подъезжавшую машину. Джип «Шевроле-Блейзер» серого цвета, остановившийся за воротами, не торопился въезжать на территорию клиники, и это нервировало больше, нежели прямое преследование.

Садовский снова глянул на друга:

– Думаешь, я свихнулся?

Вадим качнул головой:

– Не думаю. Хотя бы уже потому, что это натуральная *накладка*. Если бы тебе все помешлось – вход, коридор, пещера, шары, ты и в сотый раз нашел бы расщелину с каменными стенами. Ведь ты точно помнишь, как лазил по ее дну с приборами?

– Конечно. Но я и подземный бункер помню отчетливо...

– Так вот, внезапное исчезновение расщелины на жаргоне спецслужб – *накладка*, то есть наложение способов маскировки объекта, приводящее к его демаскировке. Во всяком случае, похоже на то.

Садовский в замешательстве поскреб щетину на подбородке; он явно не брился пару дней, что тоже говорило о его внутреннем дискомфорте.

– Ты хочешь сказать, что подземный ангар существует? Просто его пытаются скрыть, воздействуя на мою психику?

– Не знаю, – сказал Вадим. – Я просто рассуждаю вслух. Не хватает информации. Но я тебе верю.

– Спасибо. – Викентий нахохлился на сиденье, зябко сунул руки под мышки. – Что мне делать? Сходить на всякий случай к врачу?

– Сначала мы попытаемся определить, что за женская стая села тебе на хвост. Потом подумаем, что делать дальше. А пока давай навестим Стаса, коль уж мы здесь.

Викентий нехотя кивнул.

Друзья вылезли из машины и двинулись к зданию клиники имени Склифосовского, где лежал Станислав Панов.

УДИВИТЕЛЬНОЕ – РЯДОМ

Стаса выписали из больницы в понедельник, двадцатого сентября, по его настоятельной просьбе, хотя по планам врачей он должен был пролежать до четверга, чтобы пройти курс лечения. Однако Стасу удалось убедить заведующую отделением, что он продолжит лечиться дома, и его отпустили.

Переодевшись и захватив свои вещи, он попрощался с персоналом отделения и вышел на площадь перед зданием клиники. Запоздавшее бабье лето старалось компенсировать дождливую и холодную погоду начала сентября, было тепло, солнечно, тихо, и Стас на секунду забыл о своих тревогах, подозрениях и страхах, с удовольствием подставляя лицо солнечным лучам, однако действительность быстро привела его в прежнее состояние нервного возбуждения и ожидания необычных открытий.

Выйдя из парка на улицу, он поднял руку, чтобы поймать такси, и вздрогнул, когда рядом притормозил желтый «Москвич», на крыше которого торчала матово-белая пирамидка светильника с шашечками. Память услужливо выдала Стасу образ такси, которым он изредка пользовался до катастрофы: белая «Волга», зигзаг на капоте, шашечки на дверцах.

Затем ему показалось, что исчезла пятиэтажка на Жукова, стоящая напротив дома, в которой располагалось Агентство воздушных сообщений. Стас в общем-то никогда и не обращал внимания на этот старый особняк довоенной постройки, но все же помнил, что на фасаде дома красовались еще три вывески, в том числе мемориальная доска с надписью: «В этом доме в 1927—1937 гг. останавливался писатель Василий Васильевич Голованенко».

На всякий случай Стас зашел к соседу-пенсционеру, отставному генералу, и осторожно поинтересовался, не помнит ли он, когда снесли сталинский особняк напротив Агентства воздушных сообщений. Сосед, добродушный с виду толстяк с лысой, как коленка, головой, буквально вылупил глаза на Панова, потом засмеялся и погрозил ему пальцем:

– Шутишь, Кириллыч? Напротив нас отродясь такой дом не стоял. Лет тридцать назад там, где сейчас базар с палатками, располагалась церквушка, так ее давно снесли. Как ты себя чувствуешь? Мама говорила, что ты в больницу попал.

– Нормально, – промямлил Стас, размышляя, не правы ли врачи, утверждая, что у него после травмы черепа срабатывает эффект ложной памяти.

– Забегай вечером, – предложил сосед. – Кофейку попьем, в шахматишки сгоняем. Могу пригласить пару приятелей, в картишки перекинемся, давно мы пульку не расписывали.

– Через пару дней, – пообещал Стас, проглатывая ставшую горькой слюну, попрощался и вышел. Он совершенно отчетливо помнил, что *никогда* до этого не играл с отставным генералом в карты.

После обеда Стас долго колебался, что делать, кому звонить, с кем консультироваться, не поехать ли в банк на поиски Дарьи или на работу, и в конце концов выбрал последнее. Вопрос с Дарьей требовал участия профессионалов, которых еще надо было отыскать. Единственным таким профессионалом, которого Стас хорошо знал, был Вадик Борич, но в больнице с ним на тему Стасовых иллюзий говорить не хотелось. Последняя их встреча, когда Вадим пришел навестить друга с Кешей Садовским, прошла скомканно и нервно, словно они что-то недоговаривали, и Стас в свою очередь не рискнул завести разговор о своих открытиях.

Собравшись, он поймал частника и поехал на работу. Его «Рено», по сообщению Вадима, взявшего на себя обязанности куратора по ремонту машины, все еще находился в автосервисе, а на такси, вид которых вызывал у Стаса болезненное недоумение, ехать не хотелось.

Директора в издательстве встретили если и не с ликованием, то радостно, отчего у Стаса повысилось настроение, и он с удвоенной энергией взялся за решение проблем, накопившихся за время его отсутствия и требующих личного вмешательства. Однако длилось это эйфориче-

ское состояние подъема недолго. Ему понадобилась солидная монография отечественного специалиста по информационным технологиям и маркетингу профессора Красинского, которая всегда лежала у него на столе, и Стас, безуспешно поискав ее в кабинете, вызвал секретаршу Татьяну и велел найти книгу в офисе. Каково же было его удивление, когда после долгих поисков в издательстве выяснилось, что такой монографии никто не помнит! Мало того, главный бухгалтер издательства Алексей Зеленко утверждал, что ее не существует в природе! То есть похожая по тематике книга имела место быть, но написана она была не Красинским, а американцем Хаббардом. Панов же был уверен на сто процентов, что книгу Хаббарда раньше в глаза не видел, хотя по уверениям Татьяны и других сотрудников пользовался ею всю сознательную издательскую жизнь.

Следующий факт в подтверждение теории Стаса, что с ним творится нечто неординарное, не укладывающееся в рамки привычных схем и представлений, появился чуть позже, когда он увидел по телевизору чествование знаменитого киноартиста, которому исполнилось семьдесят пять лет и которого Панов, знавший, по его мнению, всех отечественных звезд кино и театра, никогда прежде не встречал. Звали артиста Юрий Яковлев.

В течение первого рабочего дня набралось еще с десяток подобных фактов, создающих впечатление, будто Стас находится не только в чужой стране, но и вообще в чужом мире, лишь внешне похожем на тот, в котором он родился и вырос.

Так, оказалось, что Великая Отечественная война закончилась девятого мая тысяча девятьсот сорок пятого года, а не в декабре сорок четвертого, как утверждали учебники истории, которые он изучал в школе. На юге Россия граничила не только с Китаем, но и с Монголией, которой в памяти Станислава вообще не существовало; по тем же учебникам истории великое государство Моголов распалось раз и навсегда еще в тринадцатом-четырнадцатом веках после столкновения с Русью, часть его отошла к России (тогда – Великой Русской Орды), а часть – к Китаю.

Кроме того, Панов был весьма озадачен, узнав, что существует всемирная компьютерная сеть Интернет. В его памяти хранилась информация о создании локальных сетей в Соединенных Штатах Америки и в Японии, засекретивших разработки для усиления обороноспособности своих стран. В России же существовала своя компьютерная «паутина» – Роско, объединяющая военные и силовые системы.

И последнее, что окончательно сразило Стаса, было открытие факта высадки американских космонавтов на Луну в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году. Космосом он никогда особенно не интересовался, однако знал, что первыми на Луне высадились в тысяча девятьсот семьдесят первом году немцы и русские на корабле «Союз-2».

К вечеру Стас настолько устал от обилия впечатлений, что уже не реагировал на новые несоответствия между собственным жизненным опытом и действительностью. Реальное отсутствие Дарьи в банке «Москредит» и вообще в Москве – Стас позвонил в справочную службу, попросил найти адрес Дарьи Валентиновны Страшко двадцати семи лет от роду и получил ответ, что таковая в столице не проживает, – не поразило его, хотя и заставило пережить болезненное состояние растерянности и страха. Все факты «ложной памяти» укладывались в стройную систему мира, отнюдь не похожую на отрывочные болезненные фантазии «сдвинутой» психики. Стас был почти уверен, что изменился не он, изменилась окружающая среда, и вполне вероятно, что он в результате автокатастрофы попал в какой-то «параллельный» мир, отличающийся от родного обилием мелких деталей.

С кем-то надо было посоветоваться, кому-то рассказать о своих ощущениях, и Стас созвонился с Вадиком, решив признаться ему первому. Они договорились встретиться вечером на квартире Панова, пригласить Кешу и поговорить «о важном деле». Почувствовав некоторое облегчение, Стас отложил нерешенные издательские проблемы на завтра, поболтал за чашкой кофе с секретаршей Таней о том о сем и попросил водителя издательского «Форда»

Мустанга» отвезти его на Хорошевку, к банку «Москредит». Захотелось самому убедиться, что Дарья Страшко там не работает, расспросить сотрудников, не видел ли ее кто-нибудь, и поговорить с президентом банка.

Молодой водитель «Форда» Сергей Беликов не отличался разговорчивостью, был всегда подчеркнуто вежлив и с готовностью выполнял все приказы директора. Он-то и заметил, что за их машиной следует серого цвета «Тойота-Королла», не отстающая от «Форда» и не перегоняющая его. Понаблюдав за «Тойотой», Сергей попытался оторваться, не смог и только тогда сообщил Панову о преследовании.

Стас оглянулся, в потоке машин сзади «Тойоты» не увидел, но почувствовал смутную тревогу. Прежние сомнения относительно трезвости собственного рассудка снова вспыхнули в нем, заставили вспомнить визит дамы из Генеральной прокуратуры и кое-какие настораживающие намеки друзей во время их последнего посещения клиники. Объяснить их простым стечением обстоятельств было нельзя, намечалась система некоего контроля, в которой слежка была вполне законным и необходимым элементом. А что за машиной Панова велось наблюдение, сомневаться не приходилось.

Сергей свернул в переулок за зданием банка, остановил машину в ряду других у торца дома. Серая «Тойота», следовавшая за ними чуть ли не от издательства, в переулок заезжать не стала, однако остановилась за углом. Ее пассажиры, а точнее – пассажирки (в салоне «Тойоты» Сергей разглядел трех женщин), явно не хотели выпускать из виду «Форд» Панова.

– Давайте я вас в холле подожду, – предложил водитель.

– Не стоит, – отмахнулся Стас. – Я ненадолго, жди в машине.

Чувствуя учащающееся сердцебиение, он взбежал по ступенькам центрального входа в банк, прошел вертящуюся дверь, привычно повернул из холла в рабочий зал, но был остановлен вежливым молодым человеком в темно-сером костюме:

– Простите, вы по какому делу?

Этого охранника Стас не знал, однако насторожило его совсем другое – сам вопрос. Раньше клиентов банка пропускали в зал без проблем.

– У меня встреча с Петром Дмитриевичем.

– Он вам назначил время?

– Нет, но меня он примет.

– Сожалею, но у нас принято заранее договариваться о встрече.

Стас поднял брови.

– И когда же вы ввели эту практику?

– Давно, с начала основания банка.

Стас невольно покачал головой, но сдержался.

– Молодой человек, вы, наверное, работаете недавно...

– Полтора года.

– Ну, все равно, меня здесь знают, Петр Дмитриевич примет меня и без предварительной договоренности. Передайте ему, что пришел Станислав Панов.

– К сожалению, не могу, у президента делегация. Попробуйте прийти завтра, но все же советуя перед встречей позвонить.

Панов с трудом сдержал раздражение, заглянул в зал, нашел взглядом окошко в стеклянной стене оперативной зоны, где всегда сидела Дарья, девушку не увидел и повернул к выходу. И вдруг встретил взгляд молодой женщины по ту сторону двери, вглядывающейся сквозь стекло в помещение банка. Женщина в строгом темно-синем костюме тут же отвернулась, но Панов интуитивно почувствовал тревогу и вспомнил встречу с дамой из Генпрокуратуры накануне автокатастрофы. Та дама тоже носила синий костюм и белую блузку.

Сердце защемило. Стас сообразил, что женщина следит за ним и, вероятнее всего, является одной из пассажирок «Тойоты», преследовавшей издательскую машину. Пожалевав, что

запретил Сергею ждать его в холле банка, Стас прикинул свои возможности, но лезть на рожон не стал. Хотя он и занимался спортом – играл в теннис, однако никогда ни с кем не конфликтовал, ни от кого не защищался и, даже став известным издателем, не окружил себя телохранителями.

– Разрешите позвонить? – обратился он к охраннику.

– Разумеется, – кивнул тот.

Станислав подошел к стойке с монитором охраны, набрал было номер офиса, но передумал и позвонил Вадиму Боричу. Если на кого и можно было положиться в любой ситуации, то только на него.

Уговаривать Вадима не пришлось. Выслушав сбивчивую речь Панова, он прервал Стаса коротким: «Жди», – и повесил трубку. В холле банка он появился буквально через полчаса, хотя ехать ему надо было с другого конца города. Стас отвел Вадима к окну рядом с дверью, кивнул на крыльцо главного входа в банк:

– Ту девицу в синем видел?

– Рассказывай, только не торопись, – спокойно сказал Борич, мельком посмотрев в окно.

Панов подумал, заставил себя успокоиться и сообщил Вадиму все, что знал сам, свои открытия, впечатления, переживания, сомнения и страхи. Молодой охранник, прохаживающийся по холлу, светловолосый, голубоглазый, корректно-сдержанный, поглядывал на них с вопросом в глазах, но выгонять на улицу не спешил.

Вадим выслушал Панова внешне без эмоций, никак не реагируя на бледные попытки друга подшутить над самим собой. Он вообще был очень уравновешенным и серьезным человеком, хотя юмор ценил и понимал. Однако обстоятельства складывались далекими от смешного, ситуация требовала каких-то объяснений и решительных действий, и Вадим, не ответив на вопрос Панова: «Надеюсь, ты не считаешь меня психом?» (такой же вопрос задавал ему и Викентий Садовский), – принялся действовать.

– Я выйду первым, – сказал он. – Ты следом за мной. Проходи к моему «БМВ»...

– Меня в «Форде» ждет Сергей, издательский водила...

– Садись в мою машину и жми в спортзал ЦСКА, где мы с тобой играли в теннис, помнишь? Паркуйся у кортов за углом, у ограды, где идут ремонтные работы, и жди меня.

– А как же ты?

– Я тебя догоню.

– На чем?

– На моем «Форде».

Вадим сунул ключи от «БМВ» Стасу, хлопнул его по плечу и, одетый в спортивный костюм и кроссовки, исчез за дверью. В окно Панов увидел, как он задержался на крыльце, где все еще стояла девица в синем костюме с короткой прической, заговорил с ней, и вдруг что-то произошло. Стасу показалось, будто Вадим пожал ей руку, а потом обнял и повел к стоянке автомашин, с улыбкой жестикулируя свободной рукой, словно рассказывал анекдот.

Очнувшись, Панов не стал забивать себе голову размышлениями, откуда Вадим знает девицу в костюме, выскочил на улицу, сопровождаемый внимательным взглядом голубоглазого охранника, рванул, как заяц, через дорогу и сел в «БМВ» Борича, не глядя на издательский «Форд», водитель которого с изумлением наблюдал за действиями своего начальника. Включив двигатель, Стас вывел «БМВ» на дорогу и погнал его по Хорошевке со всей скоростью, на которую был способен. Он уже не увидел, что произошло на стоянке возле банка после его отъезда.

Действия же разворачивались следующим образом.

Вадим подошел к высокой девице в костюме «а-ля клерк», короткая юбка которого открывала сильные, мускулистые, как у спортсменки, ноги, протянул ей руку, как старой знакомой, воскликнул:

– Галина! Сколько лет, сколько зим! Как ты здесь оказалась? Неужели не узнаешь?

Девушка с густыми бровями и ненакрашенными, бледными губами с удивлением оглянулась и совершенно автоматически протянула в ответ свою руку, а когда поняла ошибку и хотела ответить: «Вы обознались», – Вадим нажал на запястье руки определенные точки, и девица застыла, полупарализованная, не осознающая, где она и что с ней. После чего Вадим обнял ее за плечи и повел «подругу детства» к машине Панова. Приятельницы девицы спохватились, когда Вадим довел ее до «Форда», впихнул в кабину и почти выбросил ничего не понимавшего водителя на тротуар:

– Извини, друг, шеф тебе потом все объяснит. Добирайся до издательства на общественном транспорте.

«Форд» сорвался с места, впритирку проскочил мимо разворачивающейся «Тойоты», получил три пули в дверцу – женщины в кабине «Тойоты» действовали решительно и открыли огонь из пистолетов! – и скрылся за углом. Перехватить его не смог и джип «Шевроле» с тремя девицами в такой же униформе – темно-синие костюмы в талию, блузки, короткие юбки, туфли на толстой подошве, – который стоял неподалеку. Ни те ни другие не смогли просчитать действия объекта и его прыти, а когда опомнились, «БМВ» и «Форд» были уже вне зоны видимости.

Правда, джип попытался догнать издательскую машину, однако Вадим прекрасно водил все виды транспорта, видел ситуацию, притормозил на перекрестке и, круто развернувшись, ударил джип в бок на повороте, так что тот с ходу въехал в витрину магазина хозяйственных товаров. Преследовать «Форд» с Вадимом он уже не мог. «Тойота» же отстала в сплошном потоке машин, и Борич легко ушел от погони дворами.

Стас подъехал к спортзалу ЦСКА всего на несколько минут раньше Вадима с захваченным «языком» – женщиной в костюме. Возбуждение его прошло, наступила апатия после нервной перегрузки, и он уже почти с безразличием ждал, чем закончится попытка Вадима выяснить обстоятельства дела.

– Покарауль, чтобы не сбежала, – кивнул на притихшую на заднем сиденье «Форда» пленницу Вадим. – Я сейчас.

Стас вяло запротестовал, однако Вадим уже быстрым шагом шел к зданию спорткомплекса, открыл в торце незаметную дверь с надписью: «Только для персонала ЦСКА» – и скрылся за ней.

Стас перевел взгляд на женщину, начавшую проявлять признаки осмысленной деятельности, – она явно приходила в себя, – встретил ее мутноватый взгляд и поежился. В глубине глаз незнакомки клубилась слепая жажда убийства. Она попыталась открыть дверцу машины, но Стас придавил ручку и не дал ей выйти. Появившийся Вадим избавил его от необходимости борьбы с пленницей, молча взял женщину под локоть и помог ей выбраться. И едва ушел от удара коленом в пах и кулаком в горло: женщина отлично владела приемами рукопашного боя.

Что сделал Вадим, Станислав не заметил, но после этого пленница перестала сопротивляться и покорно последовала за Вадимом в здание.

Они миновали короткий коридор, прошли мимо открытой двери в небольшой спортзал с гимнастическими снарядами, откуда доносились голоса спортсменов, и вошли в тренерскую комнату.

Женщина вновь попыталась освободиться, однако Вадим без жалости швырнул ее в кресло в углу комнаты и тихо сказал, наставив на нее палец:

– Сиди! Я уже понял, что ты человек *команды*. А теперь отвечай: что за контора тебя послала наблюдать за нами? Зачем? Вы следите за мной, за моими друзьями, устраиваете охоту, даже применяете оружие! – и я хотел бы знать, в чем дело.

– Напрасно теряешь время, – скривила губы незнакомка, явно собираясь продолжать сопротивление. – Вмешавшись в это дело, ты подписал себе смертный приговор.

– Отлично, – кивнул Вадим спокойно. – Мы хорошо понимаем друг друга. Однако тебе все же придется объясниться.

– Сейчас сюда прибудет *моя* команда, как ты правильно выразился, и все тебе объяснит... вручную.

– Сейчас сюда приедет *моя* команда, – усмехнулся Вадим, – а мы тоже кое-что умеем, в том числе развязывать языки. Так что рассказывай, какая *контора* пасет Панова и Кешу.

Вместо ответа незнакомка гибко метнулась через комнату к выходу, но налетела на руку Вадима, вцепилась в него, целя ногтями разорвать лицо или выбить глаза, и тому пришлось отбиваться всерьез, применяя «мягкие» обтекающие захваты в сочетании с концентрированными ударами в уязвимые точки тела, называемые «чеками». Один из таких ударов едва не сломал палец разъяренной фурии, в которую преобразилась пленница, и она, вскрикнув, упала в кресло, с изумлением и ненавистью глядя на Вадима.

Стасу стало плохо.

– Я не хочу на это смотреть, – выдавил он, отворачиваясь. – Можно, я посижу в зале?

– Иди, – сказал Вадим, трогая пальцем царапину на щеке.

Стас вышел, сел на скамеечку у стены почти пустого зала, где тренировалась группа юных гимнастов, и стал тупо глядеть на одетых в трико юношей и девушек, перебирая в памяти факты своего «умопомешательства». Ничего дельного в голову не приходило, объяснить случившееся одним только психическим расстройством было невозможно, женщина из команды агентов наблюдения была реальна, жизнь вокруг со множеством деталей, которых Стас не помнил, отражалась в его ощущениях также реально, и понять, что происходит, он не мог. Поэтому сидел и ждал, чем закончится беседа Вадима с пленницей из неведомой спецслужбы, устроившей слежку за директором издательства, который не чувствовал за собой никакой вины. Не хотелось ни ехать домой, ни что-то делать, ни вообще двигаться. Гимнасты вскоре ушли, в зале стало тихо, а Стас все сидел, уставившись взглядом в стену напротив, и ждал.

Вадим появился в полутемном зале спустя четверть часа. Посмотрел на отрешенно-мрачное лицо друга, присел рядом на скамейку.

– Она призналась? – очнулся Стас.

– Ты кому-нибудь, кроме меня, рассказывал о своих открытиях? – ответил Вадим вопросом на вопрос.

– Никому, тебе первому. А что это ты намекнул, что эти... дамы следят и за Кешей?

– Это не намек, истинная правда. Вы меня до инфаркта доведете своими признаниями. С ним тоже приключилась странная история.

– Где, когда?

– На Луне, во время последней экспедиции. Потом расскажу. Однако у меня складывается такое впечатление, что вы оба стали нежелательными свидетелями каких-то происшествий, о которых никто не должен знать.

– Поэтому за нами и началась слежка?

– Правильно соображаешь.

– Почему же нас просто не...

– Не ликвидируют, ты хочешь сказать? Может быть, потому, что не уверены, помните вы, что видели, или нет. А может, и по другой причине, не суть важно. Главное, что всем нам грозит нешуточная опасность.

– Но я ничего такого сверхвыдающегося не наблюдал... – Стас осекся, вспомнив встречу на мосту с двумя незнакомцами в необычного покроя плащах.

– Что? – заинтересовался внимательный Вадим.

– Понимаешь... возможно, с этого все и началось. – Панов коротко рассказал другу историю с незнакомцами, посмотрел на него с надеждой. – Ты мне веришь?

– Верю всякому зверю, а ежу погожу, – усмехнулся Вадим. – Ясно одно: что-то вокруг происходит, мы в центре событий, а понять ничего не можем. Надо искать того, кто все нам объяснит.

– Кого?

– Не знаю. Давай думать.

– Она что-нибудь сказала? На кого работает? Может, на ФСБ?

– Она не сказала ничего, хотя в запале проговорила интересную фразу о «контроле реальности». Могу с уверенностью сказать, что ни на ФСБ, ни на милицию она не работает.

– Что означает: «контроль реальности»?

– Спроси что-нибудь полегче.

– Бред какой-то!

– Не бред, наверное, раз она сразу замолчала и попыталась меня убить.

– Что ты с ней сделал?

– Ничего, связал.

– Что будем делать дальше? Ждать, когда приедут твои ребята?

– Я никого не вызывал. Теперь, наверное, придется. Да и в милицию не мешало бы сообщить. Хотя нет, не тот уровень.

– У тебя же остались связи в твоей бывшей конторе.

– Правильно, и я об этом подумал. С полковником Фадеевым мы были в хороших отношениях, он меня выслушает, хотя не гарантирует, что поможет.

Взгляд Станислава зацепился за длинный белый транспарант на стене спортзала с рекламной кроссовок «Найк». Он кивнул на транспарант с бледной улыбкой:

– Давно здесь висит это полотнище?

– Давно, с полгода. А что?

– Мне почему-то помнится, что вместо него болтался пожухлый плакат с надписью: «Привет участникам соревнований». Смешно? Может, у меня действительно крыша поехала?

– Тогда она поехала и у меня, – вздохнул Вадим, вставая. – Посиди, я посмотрю, не освободилась ли наша пленница, и поедем.

Вернулся он через пять минут, одетый в темно-серый костюм с галстуком, придававший ему вид молодого, уверенного в себе бизнесмена.

– Потопали.

– Куда?

– За кудыкины горы. Ко мне домой, естественно, оттуда позвоним Фадееву. Поживешь у меня пару дней, пока не определимся.

Стас нехотя поднялся, кинул взгляд на наряд друга:

– Откуда у тебя костюм? Ты же в спортивном был...

Вадим с недоумением уставился на Панова.

– Ты точно помнишь, что я был в спортивном костюме?

Теперь уже Стас посмотрел на Борича с недоумением.

– Ну да, ты прискакал в своем любимом, с белой полосой и красными звездами... – Стас вдруг понял, что друг не шутит, и побледнел. – Господи! Неужели я в самом деле спятил?! Но ведь совершенно отчетливо помню, что ты приехал в синем спортивном костюме и кроссовках...

Вадим положил руку ему на плечо:

– Успокойся, все в конце концов разъяснится. Слишком просто все списать на твою больную голову. Мадам из спецслужбы не вписывается в эту гипотезу, ее приятельницы в крутых тачках – тоже. Меня заинтересовали твои слова о космонавтике, такого даже Кеша не говорил. По-твоему, первыми высадились на Луне наши и немцы, а не американцы?

– Ну да, в семьдесят первом.

– А кто же тогда вообще первым в космос полетел?

– Издеваешься? Гагарин, конечно.

– Слава богу, хоть что-то остается неизменным в нашем безумном мире.

Они вышли из зала, но в тренерскую заходить не стали.

– Пусть сама выбирается отсюда, – сказал Вадим в ответ на взгляд Стаса. – С ее навыками это будет нетрудно.

Он первым выглянул из двери служебного входа, осмотрел прилегающую к зданию территорию, махнул рукой:

– Держись в кильватере, не отставай.

Шел девятый час вечера, солнце уже спряталось за домами, но было довольно светло. Людей у зданий комплекса было мало, да и те спешили по своим делам.

Вадим свернул к летним кортам, отгороженным высокой металлической сеткой, возле которых среди десятка автомобилей стоял пробитый пулями «Форд». И в это мгновение из-за угла здания с визгом покрышек выскочили еще две машины – знакомая серая «Тойота» и джип «Шевроле», резко затормозили, из них посыпались молодые женщины в одинаковых темно-синих и фиолетовых костюмах и бросились наперерез идущим вдоль ограды Панову и Боричу. Затем сбоку вынеслась еще одна «Тойота» и перекрыла им путь отступления к выходу из парка.

– Недооценил я их, – сквозь зубы процедил Вадим. – Оперативно работают «волчицы»... Беги к машине, я их задержу.

– Но...

– Беги, я сказал!

Но бежать не пришлось.

Внезапно одна из близстоящих машин – мощный джип «Лексус» – с утробным урчанием прыгнула вперед, распахнулась дверца салона, и из кабины раздался чей-то энергичный голос:

– Садитесь, быстро!

Вадим, не раздумывая, нырнул головой вперед в кабину. Стас последовал за ним мгновением позже и лишь потом взглянул на водителя. На него смотрел тот самый вежливый голубоглазый охранник из банка «Москредит», что не пропустил Панова к президенту.

– Держитесь, – улыбнулся молодой человек, круто разворачивая джип и ухитряясь при этом не задеть ни одной стоящей рядом машины.

– Кто вы? – хрипло спросил Стас.

– Ангел-хранитель.

Послышался звонкий дробный грохот, словно по корпусу джипа выпустили струю пуль. Впрочем, это и в самом деле были пули: по машине беглецов стреляли! Стас пригнулся, ожидая услышать шлепки пуль в сиденья машины, однако ничего не услышал, джип, вероятно, был бронирован.

Они выскочили в переулок за парком, свернули направо, затем налево, еще раз направо. Удар, серия толчков, звонкий стон металла, рев sireны.

– Сзади, – сказал Вадим, устроившийся на заднем сиденье.

– Вижу, – отозвался водитель, доставая мобильный телефон. – «Пять-два», я «шесть-ноль-четыре», нахожусь в эпицентре пльвуна первой степени, необходим аварийный сдвиг глубиной в двадцать пять – тридцать минут.

Что ответили молодому человеку, Панов слышать не мог, да и прислушивался к его словам вполуха, занятый больше самим процессом бегства. К тому же дилетанту понять странные переговоры было трудно, однако эти переговоры дали результаты уже в ближайшую минуту.

– Просчитайте минимальные последствия, – продолжал водитель.

Пауза.

– Масштаб корректировки – зона в радиусе двух километров вокруг спорткомплекса ЦСКА.

Еще одна пауза.

– Линия по невыключенному: Станислав Кириллович Панов, тридцать лет, холост.

Последняя пауза.

Джип продолжал мчаться переулками вокруг стадиона ЦСКА как бешеный, и точно так же неслась за ними машина преследователей – джип «Шевроле».

– Я готов, – бросил водитель.

В то же мгновение джип резко затормозил, Стас едва не воткнулся головой в лобовое стекло, ударился грудью о торпеду машины так, что потемнело в глазах. Стало тихо. Стас оглянулся назад и невольно издал удивленный возглас: Вадима сзади не было!

Панов посмотрел на водителя, на заднее сиденье, снова на водителя.

– Что вы сделали?! Где мой друг?!

– Все в порядке, – невозмутимо ответил водитель, трогая джип с места. – Прошел аварийный хроносдвиг реальности. Ваш друг в безопасности.

– Что это значит?!

– Скоро все узнаете.

Они выехали на Ленинградский проспект, направились к центру города, свернули на Беговую.

– Откуда вы меня знаете? – пробормотал, немного успокаиваясь, Стас.

– Служба такая.

– Какая?

– Ну, скажем, служба контрразведки.

– Военной, что ли? Вы из ФСБ?

– Ну что вы, наша контрразведка с государственной не имеет ничего общего. Однако потерпите четверть часа, вам все объяснят.

«Лексус» свернул к Ваганьковскому кладбищу и остановился во дворе старого девятиэтажного дома. Стемнело, на улице зажглись бледные фонари.

– Выходите, пожалуйста.

Они вылезли из машины, быстро направились к дому, но в подъезд заходить не стали, обогнули небольшое кирпичное строение котельной, нырнули в его распахнутую дверь, которая сама собой закрылась за ними. Пробежав короткий коридорчик, проводник толкнул фанерную дверь в тупике коридора, жестом пригласил Панова в чулан с каким-то тряпьем и коробками:

– Прошу простить за неудобства, но коррекция была аварийная, неподготовленная, вот и пришлось использовать запасной вариант отступления.

Он стал спускаться в открытый квадратный люк.

Панов как во сне последовал за ним, ни о чем не спрашивая. Люк закрылся за его спиной, отрезая обратный путь. Лестница вела вниз, деревянная, старая, затоптанная, словно ею часто пользовались, но ступеньки не скрипели, создавая впечатление монолитной конструкции. На глубине восьми-десяти метров она закончилась в подвальчике, заставленном бочками и ящиками, тускло освещенном единственной лампочкой в металлическом наморднике. Запахи пыли, ржавого железа, гнилого дерева наполняли подвальчик, создавая впечатление старости, ветхости, запустения и забытости. Но Панов не успел проникнуться здешним унылым духом. С гулом отъехала часть стены подвала, в лицо брызнул яркий свет, пахнуло озоном, и Станислав шагнул в открывшийся проем вслед за проводником, изумленно открывая глаза.

Помещение больше всего походило на зал Центра управления полетами: ряды пультов с компьютерами и дисплеями разных размеров и форм, индикаторные панели, шкафы с мигающими окошками и глазками, прозрачные стенды с контурами не то морей и рек, не то городских застроек. Перед рядами пультов, спускающимися вниз амфитеатром, располагался гигантский

– во всю стену – экран с двумя земными полушариями, покрытыми неравномерной светящейся сеткой, в узлах которой загорались и гасли яркие цветные звезды.

– Что... это?! – сдавленным голосом проговорил Стас.

– Кустовой терминал Равновесия, – ответил проводник обыденным тоном. – Следуйте за мной.

Он шагнул дальше и уверенно направился по галерее вдоль крайнего ряда пультов к правому углу зала.

Стас оглянулся, подвала за спиной не увидел, зябко передернул плечами и переступил невысокий порожек, отделяющий тамбур входа от галереи. Ему показалось, что он продавил телом какую-то невидимую упругую пленку и окунулся в мир других запахов и звуков – от тихих человеческих голосов до столь же негромких звоночков, зуммеров и писков.

В затылке снова шевельнулась «сливовая косточка», и Стасу показалось, что он *знает*, куда попал. Но длилось это ощущение всего лишь один миг. Проводник оглянулся, и Панов заспешил вслед за ним.

КЕША-СТРОИТЕЛЬ

Утром в понедельник Вадиму позвонил начальник департамента налоговой полиции полковник Подбельцев:

– Ну, как здоровье, отпускник? Успел отдохнуть? Мне сказали, что ты изъявил инициативу выйти на работу.

– Так точно, Иван Архипович, – бодро ответил Вадим, стоя у телефона в одних трусах; шел уже десятый час утра, но он бессовестно валялся в кровати, придумывая, чем заняться днем.

– Тогда жду тебя к одиннадцати, – продолжал Подбельцев. – Предполагается внеплановая ревизия министерства, надо подготовиться. Смекаешь, в чем дело?

– Смекаю, – подтвердил Вадим. – Я думал, все само собой рассосется.

– Если бы. Ничего, наше дело – выполнять приказы. Жду.

Голос Подбельцева сменился гудками отбоя. Вадим тоже положил трубку на телефон.

Намек полковника был ему вполне понятен. По слухам, готовилась очередная замена руководителя столичной налоговой службы, и Министерство по налогам и сборам планировало «внезапную» проверку своих московских коллег. Чем его не устраивал нынешний глава департамента МНС, было неизвестно, хотя поговаривали, что одной из причин является якобы снижение Москвой отчислений в бюджет «живых» денег. Но московские налоговики не хотели смены начальника и решили за него бороться, из-за чего страсти разгорелись нешуточные и грозили вылиться в прямое противостояние служб министерства. Вадим узнал об этом еще до отпуска, однако надеялся, что за время отдыха страсти улягутся. Не улеглись.

– Это еще цветочки, – проговорил Вадим многозначительно тоном полковника, – ягодки будут впереди...

После этого он сделал зарядку, побрился, привел себя в порядок, выпил чашку чаю и поехал на работу.

Здание московского департамента налоговой полиции располагалось на Тишинке, в новом здании фискальных служб города. Вадим привычно показал удостоверение на входе, взбежал на третий этаж, миновал комнату дежурной смены и вошел в дверь с табличкой: «ГФЗ». Здесь располагался кабинет руководителей группы физической защиты, который в данный момент занимал заместитель Борича старлей Геннадий Ломотов, рыжий, небольшого роста, но очень подвижный и быстрый. Увидев начальника, Ломотов вскочил обрадованно, кинулся навстречу, потряс руку:

– Слава богу, ты приехал! А у нас тут такая каша заваривается, реструктуризацию затеяли, начальство меняется...

– Знаю, – остановил Гену Вадим, занимая свое кресло за столом. – Подбельцев звонил. Рассказывай все по порядку и медленно.

– А к тебе вчера следователь приходил, – тараторил Ломотов, – из Генпрокуратуры. – Мощная такая бабища, плечи шире моих!

– Зачем она приходила? – насторожился Вадим.

– А бог ее знает! Я сказал, что ты в отпуске, она и ушла, слова больше не проронила. Строгая – бровью не поведет!

Вадим задумался, но Геннадию не сиделось, он был переполнен новостями, как мешок семечками, и Вадим махнул рукой на новость с посещением их конторы следователем из Генеральной прокуратуры. Зачем ему, то есть ей, понадобился начальник группы физической защиты налоговой полиции капитан Борич, было совершенно непонятно. Вины за собой Вадим никакой не знал.

До обеда он разбирался с накопившимися бумагами, проверял боеготовность группы, участвовал в совещании руководства департамента, беседовал с Подбельцевым, после обеда готовил дежурную смену к рейду, тренировался, слушал легкомысленную болтовню Ломотова и размышлял о рассказе Кеши, якобы нашедшего на Луне чью-то замаскированную базу. Не то чтобы он ему не верил – Викентий всегда любил преувеличить и пофантазировать, – но и отбросить историю, представить ее очередным розыгрышем Садовского не мог. Что-то было в этой истории живое, достоверное и тревожащее, а именно – поведение Кеши. Космонавт был не просто сбит с толку и расстроен, он был испуган и потрясен. А это означало, что он действительно встретился на Луне с загадочной деятельностью «икс-цивилизации», следы которой так долго фиксировали земные астрономы и космонавты.

В шесть часов вечера Вадим собрался ехать домой, когда позвонил Стас Панов. Телефон у Вадима в квартире стоял особый, с автодозвоном по указанному адресу: если хозяина не было дома, он звонил ему на телеком⁴. Выслушав Станислава, Вадим бросил ему одно слово: «Жди», – и помчался по указанному адресу. Через полчаса он подъехал к зданию банка «Москредит» на Хорошевском шоссе, поставил «БМВ» рядом с «Фордом-Мустангом», за рулем которого сидел худенький паренек, слушающий музыку, и вдруг заметил медленно подкатившую к переулку серую «Тойоту». Сразу всплыли в памяти эпизоды бегства с Кешей от наблюдателей в такой же «Тойоте-Королле». В этой машине тоже сидели женщины.

Подумав, Вадим вылез и направился к банку, поднялся по ступенькам центрального входа, боковым зрением отметив, как из кабины «Тойоты» вышла молодая девушка в костюмчике и короткой юбочке, открывающей чересчур мускулистые ноги, толкнул вертящуюся дверь и вошел в холл банка.

Стас ждал его у окна, во всяком случае, так показалось Вадиму, однако стоило ему сделать шаг в его сторону, как словно туча скрыла солнце, тень набежала на город, на мгновение стемнело, Вадим ощутил дуновение холодного ветра и вдруг понял, что у окна стоит *другой* человек! Вовсе не Станислав Панов, как ему представлялось вначале. Вдобавок исчез и молодой сотрудник секьюрити банка, наблюдавший за входом. Вместо него появился другой, постарше, подошел к ошеломленно озирающемуся Вадиму, вежливо спросил:

– У вас какие-то проблемы, гражданин? Могу я вам помочь?

– Сюда зашел мой друг, – опомнился Вадим. – Такой высокий, длинноволосый, в сером костюме в голубую полоску...

– Извините, не заметил. – Охранник повернул голову к сотруднику милиции, дежурившему у монитора охраны. – Степаныч, ты пропускал парня в сером костюме, с длинными волосами?

– Нет, – басом ответил здоровяк в мундире. – Заходил один, так еще в обед.

Работник внутренней охраны банка развел руками:

– Ничем не можем помочь. Ваш друг сюда не заходил, а если и заходил в обед, то, наверное, давно ушел.

– А он не мог пройти к директору таким образом, что вы не заметили? – Исключено, – твердо сказал охранник.

Вадим потоптался у окна, искоса поглядывая на кражистого мужчину в сером костюме, совсем непохожего на Стаса, и вышел, едва не столкнувшись с девицей в темно-синем. Интуиция сработала мгновенно, и, подчиняясь ей, Вадим тихо проговорил, глядя в упор на девицу с ногами спортсменки-легкоатлетки:

– Напрасно ждете, мадам, его там нет.

Реакция девушки последовала незамедлительно.

⁴ Телеком – устройство, объединяющее мобильный телефон и компьютер с выходом на Интернет и радиосеть; имеет свою собственную клавиатуру.

Она вздрогнула, впилась в лицо Вадима сузившимися холодными глазами, затем повернулась и по-спринтерски понеслась к «Тойоте». Дверца машины захлопнулась, «Тойота» сорвалась с места и умчалась. Пораженный неожиданной развязкой событий, Вадим поскреб в затылке, двинулся к своей машине и, лишь подойдя вплотную, заметил, что «Форда-Мустанга» с худеньким водителем тоже рядом нет. «Когда он успел уехать?» – мелькнула торопливая мысль. Однако ошеломление от реакции девицы из «Тойоты» на его тираду еще не прошло, и мысль исчезла, не затронув сторожевого центра сознания Вадима.

Сев в машину, он несколько минут наблюдал за редющим потоком клиентов банка, потом позвонил на работу Стасу. Нежный женский голосок сообщил, что директор издательства уехал еще час назад и будет теперь на работе утром. Тогда Вадим позвонил Стасу домой, выслушал сообщение автоответчика: «Вы позвонили по номеру... Хозяин отсутствует, оставьте свое послание или позвоните позже», – и набрал номер телефона Садовского. Кеша оказался дома.

– Привет, – буркнул он недовольным тоном. – Кто говорит?

Вадим опешил.

– Ты что, космонавт? Неприятности на работе? Или достали бабы-наблюдательницы?

– Вадик, ты? – после паузы проговорил Викентий недовольным тоном. – Не узнал. Рад тебя слышать, но не мог бы ты позвонить попозже?

– У тебя гости? Помощь нужна?

– Брось ты свои шуточки, – огрызнулся Викентий. – У меня действительно неприятности на работе, каменщик загулял, а дом сдавать скоро.

– Стас не у тебя? – автоматически спросил Вадим, пропуская последние слова Садовского мимо ушей, и внезапно до него дошел смысл сказанного. – Какой каменщик?! Что ты сказал?!

– Обыкновенный, Витька Асташин, ты его знаешь. А Стаса я не видел уже сто лет, как и тебя, впрочем. Знаю только, что живет он где-то на проспекте Жукова, в новостройке.

Вадим проглотил ком в горле, не сразу выговорил:

– Ты не... шутишь? Мы же с тобой вместе к Стасу в больницу ездили...

– Да какого хрена? – обозлился Викентий. – Когда это мы с тобой к Стасу ходили?

– Три дня назад, в пятницу!

– В пятницу я весь день на стройке был, а вечером с Витькой к знакомой ходил на гулянку по случаю рождения дочери. Да что ты мне байки плетешь?! Голова не болит с похмелья, случайно? Перезвони попозже, я тут занят.

– Подожди, у меня еще вопрос... – поспешил Вадим, но в трубке уже чирикали звоночки отбоя.

Посидев с ощущением сотрясения мозга от удара по затылку, Вадим тронул «БМВ» с места и, уже выруливая на Хорошевку, решил навестить Кешу. С его заявлением о «загулявшем каменщике» надо было немедленно разобраться.

Космонавт Викентий Садовский жил в двухкомнатной квартире, доставшейся ему в наследство от деда, в Тушине, на улице Циолковского, напротив рынка и предприятия автосервиса. И первое, что заметил Вадим, паркуя машину во дворе дома, была знакомая серая «Тойота», тотчас же отъехавшая, как только «БМВ» Борича появилась во дворе.

– Кажется, нашего друга пасут серьезно, – вслух проговорил Вадим, провожая глазами машину с пассажирками. – Пора бы познакомиться с девушками, вежливо поинтересоваться, какому спецкоманду они представляют.

Про себя же Вадим подумал, что придется поднять старые связи и позвонить прежним приятелям из ФСБ. Например, полковнику Фадееву.

Он поднялся на четвертой этаж дома, нажал кнопку звонка на обшарпанной двери. Кеша, заспанный, со всклокоченными, нечесаными волосами, небритый, с мешками под глазами,

открыл с третьего раза, молча посторонился, пропуская гостя. Одет он был в грязную майку и спортивные штаны, что никак не вязалось с обликом прежнего аккуратиста-космонавта, любившего хорошо одеваться и следить за собой. Удивился Вадим и увидев интерьер квартиры друга.

В коридорчике прихожей отсутствовал плоский модный – во всю стену – шкаф-купе с раздвижными зеркальными дверями, вместо него из стены торчала вешалка с кучей одежды, а под ней на полу валялась такая же куча обуви, в основном сапоги, грязные ботинки и тапки. Отдельно стояли осенние черные женские туфли.

В гостиной, пропахшей незнакомыми женскими духами, вместо стильной мебели «под космический ампир» с изысканного колера керамическими накладками красовался старый пузатый комод, такой же сервант, трюмо, этажерка с десятком книг и стопкой журналов, круглый стол без скатерти, диван и четыре стула. В углу на стульчике стоял телевизор, но не шикарный «Шарп» с размером экрана метр на метр, а старенький «Горизонт». Не обнаружил здесь Вадим и часов с боем в форме ракеты, которые подарили Викентию сослуживцы на тридцатилетие.

В проем полуоткрытой в спальню двери Вадим разглядел убогую пружинную кровать, смятые простыни и валявшиеся на полу женские колготки.

Викентий заметил его взгляд, закрыл дверь спальни, повернулся лицом к гостю.

– Извини, у меня не прибрано. Чего тебе? Предупреждать надо, что едешь.

– Ты не один? – догадался Вадим, чувствуя, как сердце проваливается в груди, в голове плывет звон, а душу наполняет непривычное ощущение *чужеродности* и страха.

– Какое это имеет значение? – вильнул глазами Викентий. – Если ты по делу, то давай поговорим на кухне.

Вадим покачал головой, продолжая во все глаза изучать гостиную, кинул взгляд на майку Кеши, тихо произнес:

– Где ты работаешь, Садовский? Я тебя *таким* никогда не видел.

Губы Викентия искривились, в глазах мелькнула прежняя ирония.

– Мы и так с тобой видимся раз в год, по великим праздникам. А Стаса я не встречал и вообще с времен царя Гороха.

– И в больницу к нему не ходил?

– Да ты что? – вытаращился Викентий. – Опять за свое? Да мы с ним лет семь не встречались. Ты ушел в спецназ, закончил училище, я – строительный, с тех пор и не виделись. Впрочем, вру, были вместе как-то на дне рождения у Виталика Вещенко. Помнишь?

Вадим вытер вспотевший лоб ладонью, сходил на кухню, такую же грязную и неухоженную, как и вся квартира, жадно выпил стакан холодной воды из-под крана, обернулся к появившемуся в дверях Садовскому:

– Одно из двух, космонавт... то бишь строитель, так? Где ты, говоришь, работаешь?

– В муниципальной стройконторе в Тушине прорабом.

– Одно из двух, прораб: либо я сошел с ума, либо мир перевернулся. Можешь мне не верить, но я тебя знал как известного космонавта, побывавшего на Луне, а три дня назад мы с тобой навещали в Склифе Стаса Панова, попавшего туда после автокатастрофы.

Кеша выразительно повертел пальцем у виска:

– Скорее первое, Вадик. Никуда я с тобой не ходил и космонавтом не стал... к сожалению. Хотя всю жизнь мечтал им стать.

Что-то загремело в гостиной.

Оба посмотрели на дверь.

Вадим еще раз плеснул в лицо водой, вытерся носовым платком и пошел к выходу. Обернулся на пороге, похлопал сбитого с толку Кешу по плечу:

– Не бери в голову, космонавт... м-да! Телефон мой помнишь? – Он продиктовал номер. – Звони, если что-нибудь покажется подозрительным.

– Что?

– Сам не знаю. Может, женщины начнут приставать, а может, все и обойдется.

Вадим спустился во двор, посидел в кабине машины, приходя в себя от чудовищно непонятного открытия, достал было телеком, чтобы позвонить Стасу, и вдруг увидел въезжавшие во двор с двух сторон две машины: «Тойоту» и джип «Шевроле». Интуиция вновь сработала отлично: он понял, что девочки в строгих деловых костюмах приехали за ним.

Что ж, подумал Вадим почти весело, вот сейчас и познакомимся, поиграем в кошки-мышки, проверим вас на профпригодность.

Включив двигатель, он бросил «БМВ» прямо в лоб приближавшейся «Тойоте».

ЗНАКОМСТВО С РЕАЛЬНОСТЬЮ

Панов догнал голубоглазого проводника в коротком коридорчике, в который тот свернул с галереи за амфитеатром пультов, кивнул на закрывшуюся за ними дверь:

– Это что, запасной Центр управления полетами? Очень похоже, я видел по телеку. Или какой-то вычислительный комплекс? Почему вы назвали его кустовым терминалом... э-э, Равновесия?

– Потому что он и есть квестор, кустовой терминал нашей системы. Вы не читали роман Азимова «Конец Вечности»?

– Читал в детстве. При чем тут Азимов?

– Он был посвящен в наши дела. Организация «Вечность» существует, хотя и не в том виде, в каком описал ее известный ученый-фантаст. То, что вы видели, это лишь один из районных центров анализа накапливаемых искажений реальности. К сожалению, нам противодействует не менее мощная организация, которую ее служители сами также называют Равновесием. Однако это скорее дестабилизирующая система, чем регулирующая.

– Те девушки в форме оттуда?

– Эта система управляется женщиной, маршалессой, и почти все ее сотрудники – также женщины. Мы их называем «волчицами». Но не спешите, обо всем по порядку.

Проводник остановился перед последней дверью коридорчика, поднял руку, прижимая ладонь к серебристой выпуклости на стене. Из черного окошечка над выпуклостью выстрелил бледный зеленоватый лучик света, заглянул ему в глаз и спрятался обратно. Дверь с тихим шипением отодвинулась в сторону, и молодые люди вошли в небольшой кабинет, ничем не отличимый от сотен подобных ему кабинетов правительственных или коммерческих офисов.

Стол с компьютером, стол для гостей с четырьмя стульями, два стеклянных шкафчика с книгами и какими-то необычной формы предметами (не то оружие, не то модели каких-то устройств), шкаф-ниша для одежды, сейф, светопанели, ковер на паркетном полу, картина на стене (пейзаж в стиле Шишкина: огромные замшелые ели, ручей, коряга поперек), телесистема с плоским экраном. Но взгляд Панова зацепился не за эти детали, а за окно, из которого на пол помещения падал сноп золотистого солнечного света. За окном виднелось небо с облаками, деревья, часть пруда, луг с коровами. Было очень странно видеть спокойно разгуливающих по лугу животных, в то же время Станислав точно знал, что он находится глубоко под землей.

– Видеокартинка, – раздался чей-то голос, и Панов наконец разглядел хозяина кабинета, сидевшего вполоборота к столу за экраном компьютера.

Он был крупного сложения, с круглой бритой головой, тяжелым морщинистым лицом и мощным лбом, под которым светились легкой иронией умные прозрачно-серые глаза.

– Саид Саркисович Зидан, – представил его проводник, оставаясь у двери, – декарх службы контрразведки.

– Присаживайтесь, – кивнул на стулья хозяин кабинета. – У меня мало времени, поэтому обойдемся без восклицаний «не может быть!» и прочих эмоциональных выражений. – Бритоголовый посмотрел на парня, доставившего Станислава. – Вы ввели его в курс дела?

– Не успел, – качнул головой молодой человек. – На него вышли «волчицы» маршалессы, пришлось бежать, подключать «пятерку» и сооружать аварийный сдвиг.

– Понятно. Тогда я обрисую ситуацию в двух словах, а вы потом ответите на все его вопросы и поговорите обо всем подробнее. Подумайте также над тем, где можно будет применить его возможности.

– По-моему, об этом говорить рано, ему надо подучиться. Вряд ли он осознает свои возможности. Мы, например, даже не предполагали, что он может четко *видеть* изменения реаль-

ности. Правда, одновременно он принимает относительные варианты своего восприятия за реальный исторический процесс.

– Забавно.

– Помедленнее, – сказал Стас, – я не успеваю анализировать ваши слова. Что значит – я вижу изменения реальности? Какие изменения?

– Это значит, что вы помните подлинную историю Регулюма, – сказал бритоголовый. – Я имею в виду – до корректировки. Итак, молодой человек, приготовьтесь к восприятию необычайного. Сейчас я сообщу вам нечто такое, что не укладывается в рамки обыденности, привычных представлений и напроочь отрицается ортодоксальной наукой. Не спешите делать выводы, прежде всего после нашего знакомства поразмышляйте обо всем в тишине, и лучше всего – глядя на текущую воду или пламя костра.

– Я готов, – пробормотал Стас, ощущая противную дрожь в желудке и шевеление «сливовой косточки» в затылке.

– Вы оказались в довольно необычном положении, – продолжал Зидан. – Большинство нормальных людей принимает действительность как статическую основу бытия, пронизанную потоком времени. На самом деле Вселенная – исключительно зыбкий, изменчивый, непостоянный, текучий, многомерный континуум, непрерывно кипящий и содрогающийся от малейших вероятностных изменений в любой его точке, в любом временно стабилизированном материальном узле – регулюме, где возникает на короткое время довольно неустойчивое образование – жизнь.

– Я считал, что жизнь возникает на планетах...

– Планеты и являются в большинстве случаев регулюмами или слоями регулюмов.

– А звезды? Солнце?

– Солнце всего лишь энергетическая основа регулюма, его стабилизирующая опора.

– Значит, все звезды...

– То, что люди называли звездами, – варианты регулюмов, и далеко не все они являются плазменными шарами, в которых протекают термоядерные реакции синтеза. Однако идем дальше. Итак, окружающий нас огромный мир необыкновенно зыбок и текуч. Но нашим сознанием эта текучесть не фиксируется, так как человек – не владыка Вселенной, а всего лишь элемент энергоинформационной Матрицы Мироздания, перестройка информационного поля касается его вневещно. Он воспринимает все «сейчас-здесь» при любом изменении Матрицы, не ведая того, не понимая, что весь колоссальный конгломерат физических законов и человеческих культур непрерывно меняется, меняя при этом и самого человека, его сознание, логику, язык и память.

Вселенная бурлит, как кипящая вода в котле, в ней одновременно существуют, причудливо переплетаясь, прошлое, настоящее и будущее, и любое действие – человека ли, зверя, другого разумного существа – изменяет Матрицу Мира. Прошлое и будущее – не две бездны, перетекающие одна в другую в точке настоящего, как образно сказал классик, а пространства разных размерностей, зависящие друг от друга, в том числе – и на материальном плане.

Человек же не замечает мгновенных фазовых перестроек Мира вследствие того, что не является *сторонним* наблюдателем происходящих во Вселенной процессов, а принимает в них непосредственное участие. Он воспринимает любое изменение не напрямую, а через особое «декодирующее» устройство – подсознание, поэтому ему кажется, что мир вокруг статичен и если изменяется, то только согласно законам физики, законам природы. Одно лишь не учитывается: что Матрица Мира изменяется мгновенно от любого происшествия, от любого воздействия, и одновременно с этим сознание человека получает заново сформированный пакет информации, образующий память. Для обычного человека такое изменение есть событие, «вмороженное» в память.

– Подождите, – остановил декарха Панов. – Я не совсем понял...

– Лучше всего мои рассуждения пояснить примером. Допустим, кто-то в нынешнее время хочет изменить реальность. Он спускается лет на сто в прошлое и убивает...

– Разве путешествие в прошлое возможно?

– Конечно, однако оно естественным образом изменяет параметры среды, законы, линии существования живых созданий, которые мы называем милиссами, их чувства и память. При этом может исчезнуть и сам путешественник или тот, кто его послал, образуется так называемый «кокон вечного настоящего», или «хрономогила» – своеобразная тюрьма для «выключенных», «самозашнурованных» вариантов бытия. Но я продолжаю пример. Итак, наш герой решает ликвидировать какого-то важного политического деятеля, того же Ленина, к примеру. Что произойдет для всех современников путешественника во времени?

С одной стороны, изменится реальность, исчезнет весь пласт истории, связанной с данным историческим лицом, но с другой – для наших современников в момент убийства не произойдет ровным счетом ничего!

– Как это?!

– Для них эти сто или сколько-то там лет окажутся спрессованными в давно промелькнувший отрезок времени, где *не было* никакого Ленина. Понимаете?

– Но я же помню Ленина... этот город вчера был таким же... этот дом, вещи... машина...

– Так и должно быть. Изменения, коренным образом сказывающиеся на положении вещей, происходят не в данный момент, а гораздо раньше, и эта информация передается всем наблюдателям сразу, кроме отдельных личностей, к моменту нашего разговора *все уже* изменилось, вы же помните всю цепочку до этого момента.

– Значит, я болен?

– Можно сказать и так, – улыбнулся Зидан. – Невыключенный. Таких людей мы называем абсолютниками. Они являются хранителями траекторий исторического процесса, способными воздействовать на Вселенную. При определенной подготовке, разумеется.

– Голова кругом!.. – сжал виски пальцами Стас. – Текучая Вселенная... Все течет, все изменяется... Матрица Мира...

– По сути Матрица Мира представляет собой самый сложный голографический *фрактал* всех возможных состояний материи. Но хаосом этот сверхтекучий континуум назвать нельзя, потому что его жизнь контролируется на разных уровнях. И там, где контроль достаточно гибок, возникает временно стабилизированный узел формообразования – регулюм, отделенный от других узлов потенциальным барьером – пространством или временем. Земля, к примеру, является одним из таких регулюмов, стабилизированных воздействием нескольких управляющих структур или лидер-систем, таких, как наше Равновесие.

– И сколько же их всего?

– Мы знаем, что существует еще одна система, апологеты которой называют ее Равновесием.

– «Волчицы».

Бритоголовый декарх посмотрел на парня у двери.

– Вы уже говорили с ним о «волчицах»?

– Буквально два слова.

– Итак, мы знаем, что существует Равновесие-2, называемое нами Равновесием-К, мы знаем также о существовании системы уровнем выше – СТАБСа, не подконтрольной ни нам, ни «волчицам», взявшей на себя роль корректирующей системы. И мы догадываемся о существовании организации более высокого ранга – Метакона.

– По логике, должны существовать системы и еще более высокого уровня...

Хозяин кабинета и голубоглазый проводник Стаса переглянулись.

– Вы правы. Но говорить об этом преждевременно. У вас есть вопросы по существу?

– Почему за мной следили эти... «волчицы»?

– Вас хотели нейтрализовать, – впервые за все время беседы подал голос проводник Стаса.

– То есть... убить?

– Хороший вопрос, – развеселился декарх. – Однако убийство не всегда гарантирует перекрытие утечки информации. Гораздо надежней изменить милиссу человека, его мировую линию. Но об этом вам расскажут специалисты. Еще вопросы?

– Что такое Равновесие? И почему вам противостоят «волчицы»?

Бритоголовый Зидан и его сотрудник переглянулись.

– По сути Равновесие – теневая система реальной власти на Земле, способная менять правительства любого государства, законы, по которым эти государства живут, и даже, если потребуется, природные условия.

– Мафия, что ли?

Молодой человек у двери засмеялся. Улыбнулся и декарх.

– Нет, не мафия, скорее служба безопасности регулюма, отвечающая за устойчивость и жизнеспособность всей его сложной суперпозиции под названием Реальность.

– Значит, в действительности именно вы командуете политикой?

– Политика – удел безумцев, рвущихся к власти, использующих для этого все дозволенные и недозволенные приемы. Наша организация выше.

– Почему же вы конфликтуете с «волчицами», если они тоже представляют Равновесие?

– Потому что они замахнулись на абсолютную... – начал было проводник Стаса, но декарх его перебил:

– К сожалению, мы переживаем не лучшие времена. Когда-то существовала единая система Равновесия, потом она распалась на две организации: Равновесие-К и Равновесие-А. Мы принадлежим к последней.

– И чем же они отличаются?

По губам Зидана скользнула странная усмешка.

– А – это заглавная буква имени Авель, а К – имени Каин. Вам эти имена что-нибудь говорят?

– Говорят, – пробормотал сбитый с толку Стас.

– Естественно, такое деление условно, однако вполне отражает суть деятельности обеих организаций. У кормила Равновесия-К стоят сейчас жестокие, агрессивные, беспринципные люди, добивающиеся абсолютной власти, уверенные в своей непогрешимости и безнаказанности.

– Маршалесса?

Бритоголовый внимательно посмотрел на Стаса, пожевал губами, перевел взгляд на подчиненного.

– Отведите его к кому-нибудь из экспертов, пусть просмотрит, оценит резерв релевантности. Потом направьте на подготовку.

– Слушаюсь, Саид Саркисович.

Декарх бросил взгляд на Стаса, отвернулся к экрану компьютера, с удивительной быстротой заработал на клавиатуре, сказал, не поднимая глаз:

– Остальное вам объяснит наш агент Максим Барыбин. Всего хорошего.

– Пойдемте, – сказал голубоглазый Максим.

– Но я не хочу никуда идти, – очнулся Стас. – О какой подготовке речь? Я хочу домой.

– Боюсь, у вас нет выбора, – мельком посмотрел на него декарх. – Если мы вас отпустим, «волчицы» вас нейтрализуют. Им не удалось убрать вас стандартным приемом, с помощью автокатастрофы, и они наверняка разработают план похитрей.

– Но я ни в чем не виноват!

– Вы виноваты в том, что оказались в неположенное время в неположенном месте. Помните мост через железнодорожные пути? Вы стали свидетелем расправы с двумя необычными людьми.

– Не помню, – озадаченно проговорил Стас. – Я разговаривал с ними, но не видел... какой расправы? Они... убиты?!

Работники Равновесия снова переглянулись.

– Интересно, – задумчиво почесал кончик носа декарх. – Я считал, что он помнит этот момент.

– Разберемся, Саид Саркисович, – сказал Максим, беря Станислава под руку. – Идемте, уточним кое-какие детали.

– Подождите, – уперся Стас. – Когда вы вмешались возле спортзала ЦСКА, со мной был мой друг Вадим. Где он? Ведь ему теперь тоже грозит опасность?

– Разберемся, – повторил Максим. – Саид Саркисович, я могу привлечь оперов «четверки», если понадобится?

– Я поговорю с Кубисом, работайте.

Станислав поднялся, вышел из кабинета декарха, поддерживаемый под локоть Максимом, остановился в коридорчике:

– Кто такой Кубис?

– Начальник «четверки», – терпеливо ответил сопровождающий.

– Что такое «четверка»?

– Служба оперативного воздействия.

– Сколько же таких служб имеет ваше Равновесие?

– Десять. Когда я вытаскивал вас из рук «волчиц», мне помогла «пятерка» – служба кризисного реагирования.

– А вы сами тоже из «шестерки»?

Максим с удивлением и уважением окинул бледное лицо Стаса взглядом.

– Вы весьма наблюдательны, Станислав Кириллович. «Шестерка» – служба контрразведки Равновесия, а Зидан – мой непосредственный начальник. А чтобы вы знали на будущее и не задавали вопросов, запомните следующее: Равновесие – не изобретение человека, оно существовало еще до появления вида *хомо сапиенс*, во времена *проявления* Вселенной, это по сути реализация некоего Творящего Принципа, контролируемая стратегалом, то есть геномом регулюма.

– Бога, что ли?

– Можно сказать и так, хотя мы называем этот Принцип Первичным Компьютером или Компьютером Абсолюта. Вселенная – это океан возможностей, бесконечный фрактал вариантов бытия, но реализуются далеко не все варианты, а только те, где достигается равновесие между волевыми регуляторами. Кстати, если вы и в самом деле абсолютник, как мы подозреваем, вы тоже сможете стать волевым регулятором Равновесия. Таких людей очень мало, у нас их всего пятеро.

– А у «волчиц»?

– У них чуть побольше.

– Кто же создал Равновесие, когда еще не было людей?

– Я не знаю, кто стабилизировал Регулюм Солнечной системы, знаю лишь, что первыми равновесниками были разумные существа Урана – теплокровные растения. Затем эстафета поддержания Равновесия передавалась от планеты к планете: Нептун, Плутон, Сатурн, Юпитер, Марс. Теперь вот Земля. Однако вы все узнаете в свое время, поторопимся.

Они вышли в зал «Центра управления полетами» с разговаривающими между собой компьютерами. Максим подошел к одному из прозрачных стендов, соединенных со столом с компьютером, наклонился к женщине средних лет, работающей за клавиатурой компьютера:

– Аглая Юзефовна, найдите мне милиссу... – он обернулся к Стасу. – Как зовут вашего друга?

– Вадик... э-э, Вадим Николаевич Борич.

– Возраст?

– Тридцать лет, мы вместе учились в школе.

Агент контрразведки снова повернулся к женщине:

– Милиссу Вадима Николаевича Борича, тридцати лет.

– Что вы хотите делать? – пробормотал Стас, ощущая пульсацию «сливовой косточки» в затылке, от которой голову пронизывали странные «электрические» искры.

– Будем выручать вашего друга, – сказал Максим. – А вы отдохните, в принципе я справлюсь и без вас.

– Нет уж, – мотнул тяжелой головой Панов. – Я с вами. И вот еще что... я почему-то беспокоюсь за моего приятеля...

– Я же сказал, мы его вытащим из-под сдвига, где бы он ни был.

– Речь идет о другом человеке – о Кеше, то есть Викентии Садовском. Он недавно летал на Луну и... в общем, не знаю, что там произошло, но у него неприятности.

Максим разогнулся, впился глазами в глаза Стаса.

– Викентий Садовский? Кто это?

Стас растерялся.

– Как это – кто? Он космонавт, летал на орбитальную станцию «Альфа», дважды на Луну, нет, уже трижды...

– Вы это хорошо помните?

– Что значит – хорошо?! – возмутился Стас и прикусил губу, бледнея. – Вы хотите сказать...

– Я не большой знаток космонавтики, но, по-моему, в отряде космонавтов нет человека по фамилии Садовский.

В голове Стаса поплыл эйфорический звон, он пошатнулся. Максим подхватил его под руку, глянул на встревожившуюся женщину:

– Я сейчас, Аглая Юзефовна. Парень получил слишком большую дозу информации за один прием, это кого хочешь выбьет из колеи. Я его отдам медикам и вернусь.

Что было потом, Стас помнил смутно.

Его привели в комнату с окнами в сад (видеокартинка – вспомнились слова декарха), уложили на диван, две молоденькие медсестры начали хлопотать над ним, раздевать, разминать, обвешивать датчиками, потом пришел мужчина-врач, задал несколько вопросов, и все поплыло перед глазами Панова.

Он куда-то бежал, его кто-то преследовал, потом в голове взорвалась граната боли, и наступила темнота.

ЗАХВАТ

Что он переоценил свои возможности и опыт, Вадим понял, когда его «БМВ» зажали в узком переулке два джипа: серый «Шевроле» и золотистый «Рейнджровер».

Поиграть в кошки-мышки с «девочками в униформе» не удалось, не помогли ни реакция, ни навыки экстраординарного вождения, ни скоростное маневрирование, ни попытка тарана, в результате которой испуганная водительница «Тойоты» резко свернула, спасаясь от лобового столкновения, и врезалась в фонарный столб.

Водитель джипа «Шевроле» такой ошибки не допустил, аккуратно перекрыв арку, через которую Вадим хотел выскочить на улицу, и тому пришлось показать чудеса маневрирования задним ходом, прежде чем он объехал здание банка «Москредит» и вывел «БМВ» на Хорошевское шоссе. Но там его ждал второй джип, «Рейнджровер», едва не протаранивший «БМВ», и Вадим с досадой в душе признал, что девицы далеко не дилетанты и действительно представляют собой команду с неплохим планированием операций и двойной подстраховкой.

Свернув в переулок, он сначала решил использовать дворы, чтобы оторваться от преследования, но первый же двор в окружении стареньких пятиэтажек едва не оказался ловушкой – он не имел другого выхода, и Вадим вынужден был вернуться в переулок, где его и зажали машины неизвестной спецкоманды, состоящей практически из одних молодых, агрессивных и прекрасно подготовленных физически женщин.

Они были вооружены, однако стрелять не стали, имея, очевидно, задание взять Борича живым. Да и он, будь у него пистолет, действовал бы иначе, теперь же, пожалев, что не взял его с собой, Вадим плюнул на галантное обхождение с дамами и начал выбираться из положения так, будто попал в окружение террористов.

Разогнав машину, он направил ее на загородивший дорогу «Рейнджровер», выпрыгнул на ходу, прокатившись мячиком по асфальту, и нырнул в проход между домами, успев проскочить его за мгновение до того, как сюда примчался второй джип, из которого выскочили трое девиц в костюмах одинакового покроя, отличавшихся лишь густотой синего и фиолетового цветов.

Его «БМВ» хотя и врезался в «Рейнджровер», но вторую группу в количестве четырех девиц задержал ненадолго, и дело приняло скверный оборот. Каким бы опытным ни был мастер боя – мужчина, справиться с семью профессионально подготовленными сильными женщинами ему было непросто. Бегали они почти так же быстро, как и Вадим, а загнав его в угол, могли просто «задавить массой», зная при этом приемы рукопашного боя, поэтому Вадим принялся плести паутину отступления таким образом, чтобы точечными мгновенными выпадами выключать преследовательниц по одной.

Поначалу это ему удавалось.

Завернув за угол дома, он дождался появления самой шустрой из девиц и провел прием под названием «шлагбаум». Девица – небольшого роста, худая, с раскосыми глазами и желтовато-смуглым лицом (японка или кореянка) – налетела грудью на руку Вадима и опрокинулась на спину, теряя от удара сознание.

Экономя силы, Вадим тут же выбежал навстречу второй преследовательнице, не ожидавшей такого маневра, и уложил ее «поршнем» – ударом торцом ладони в лоб.

Затем он рванул через двор, перепрыгивая какие-то поручни, заборчики, детские стенки и площадки, свернул к забору, за которым стояло одноэтажное строение из красного кирпича, собираясь преодолеть его и до предела сузить пространство боя, чтобы женщины не могли нападать на него сразу со всех сторон. Однако они оказались опытнее и отрезали ему дорогу к забору, предлагая свой вариант развития событий.

Прохожих во дворах района было мало: шел восьмой час вечера, темнело на глазах, похолодало, накрапывал дождик, – поэтому никто не мешал оперативницам неведомой спецслужбы

стягиваться вокруг жертвы и постепенно загонять ее в угол. В полной темноте Вадим, возможно, и ушел бы, пользуясь своим умением ориентироваться в ночи, но его уже догнали, надо было драться, а пятерка физически крепких и ловких, *натасканных* на захват женщин вряд ли намного уступала пятерке профессионалов-мужчин. Вадим убедился в этом очень скоро, прижатый к забору и вынужденный защищаться в полную силу.

Первых двух соперниц он встретил «вертушкой» суева, сумев отбить их выпады (ногти одной пробороzдили плечо, нога другой в туфле с металлическим носком просвистела над ухом) и нанести ответные удары, заставившие девиц с визгом отступить; вообще все они дрались с характерным оханьем и визгом, из чего Вадим сделал вывод, что их боевая подготовка базируется на приемах карате и тхэквондо.

Третья «партнерша» Борича также получила удар по рукам – она явно целилась выцарапать Вадиму глаза или разорвать ногтями лицо – и отскочила. Но две ее напарницы вцепились в Вадима сзади, схватили за волосы, и положение его резко осложнилось. Пока он принимал решение, какую тактику избрать, его успели изрядно помять, исцарапать, нанесли несколько ударов по ребрам и в пах, и он пожалел, что сдерживал силу собственных ударов, не желая калечить противника (ведь женщины все-таки). Они жалеть его не собирались.

И все же он не справился бы с женской командой, не признающей никаких правил игры и травившей его как зверя. Почувствовав его силу и бойцовские качества, разъяренные отпором девицы вооружились ножами, решив нанести ему несколько ран, чтобы обездвижить противника, и Вадим, дважды раненный – в руку и бедро, – осознал свое поражение. У него еще оставался шанс прорваться сквозь плотное кольцо визжащих фурий, и он даже начал готовиться к прорыву, наметив убрать с дороги самую мощную из «леди боя» – широкоплечую, крупнобедрую, с мужским лицом, как вдруг на мгновение небо почернело, будто наступила ночь, дунул холодный ветер, затем небо так же быстро просветлело, и Вадим с оторопью опустил ноющие руки.

Девицы исчезли!

Он стоял у забора совершенно один!

Вокруг царил тишина, если не считать доносившуюся из окон ближайшего жилого дома тихую музыку и голоса разговаривающих жильцов.

Озираясь по сторонам, он отступил к забору, готовый к схватке с женской стаей, и внезапно осознал, что раны на руке и ноге не болят! Мало того, не чувствовались и струйки крови, стекающие по локтю и бедру несколько секунд назад.

Не веря глазам, Вадим провел пальцем по локтю – еще жило воспоминание, как в него вонзилось лезвие ножа, – потрогал абсолютно целое бедро и с чувством проговорил вслух:

– Чтоб вас кошки драли!

– Совершенно с вами согласен, – раздался из-за кустов сирени и майского дерева вежливый мужской голос, и на асфальтовую дорожку, опоясывающую пятиэтажку, вышел молодой человек приятной наружности, крепкий, уверенный в себе, голубоглазый, одетый в хороший костюм с галстуком. В руке он держал плоский черный кейс, на торце которого мигал зеленый огонек.

– Вадим Николаевич Борич?

– Я, – хрипло отозвался Вадим, оглянувшись – не подкрадывается ли кто-нибудь сзади.

– Не волнуйтесь, – успокоил его незнакомец с легкой улыбкой, – они сейчас далеко отсюда.

– Кто вы?

– Можете называть меня Максимом, хотя отец когда-то дал мне имя Экспромт. Как вам нравится – Экспромт Сергеевич Барыбин?

Вадим засмеялся.

– Да уж, экзотическое сочетание. И все же кто вы?

– Я работаю на одну секретную организацию под названием Равновесие, а здесь нахожусь по просьбе вашего друга Станислава Панова. Идемте, у нас мало времени. Мы находимся в зоне слабых корреляций реальности, и мне разрешили лишь пятиминутный сдвиг.

– Что это значит?

– Если мы не поспешим, «волчицы» задействуют встречную программу коррекции реальности, и наше положение намного осложнится.

– Что за «волчицы»?

– Те самые, с которыми вы только что сражались. Шестерки маршалессы.

– Они хотели меня убить...

– Вряд ли, скорее – нейтрализовать каким-то образом. Если бы они хотели вас убить, они бы это сделали легко.

Вадим невольно потрогал засаднивший локоть, который словно «вспомнил» рану, нанесенную ножом «волчицы», еще раз оглянулся, веря и не веря отсутствию команды преследовательниц, слегка расслабился.

– Надеюсь, вы мне объясните, что происходит?

– Непременно, только давайте сначала уберемся отсюда.

Внезапно что-то изменилось вокруг.

Вадиму показалось, что над ними зависла черная туча, заслонив тускнеющий свет неба. И тотчас же двор дома осветили фары появившихся там словно из-под земли машин. Но больше всего потрясло Вадима не их неожиданное возникновение, а исчезновение молодого человека по имени Экспромт или Максим.

Впрочем, он тут же выскочил откуда-то сбоку, в десяти шагах от забора, хотя мгновение назад стоял рядом, махнул рукой Вадиму:

– Ходу!

Вадим глянул на кейс в его руке, огонек на торце которого сменил цвет с зеленого на красный, послушно метнулся за ним, спиной ощущая странное *шевеление* воздуха сзади, будто кто-то огромный и злобный месил пространство огромными ладонями, как пластилин, изменяя характеристики и форму предметов. Вадим нагнал, догоняя мчавшегося прыжками Максима, поравнялся с ним и выдохнул на бегу:

– Что все-таки происходит?!

– Похоже, мы не успеваем, началась развертка тренда, – ответил молодой человек, целеустремленно обходя появлявшиеся перед ними препятствия: деревья, столбы, ограду, кучи камней и ямы. Вадим заметил при этом, что ямы и камни как бы *проявлялись* из воздуха, выскакивали из ниоткуда, и если бы не реакция Максима, беглецы уже напоролись бы на какое-нибудь внезапно «воскресавшее» препятствие.

Бег закончился в полусотне метров от точки старта, на улице, у машины Максима – мощного джипа «Лексус». Дверцы джипа распахнулись сами собой, заработал двигатель, хозяин машины прыгнул в кабину первым, Вадим последовал за ним, оглянулся и успел заметить, как пятиэтажный дом сзади, загораживающий полнеба, исчез! А машины преследователей резко приблизились, будто прыгнули вперед, за мгновение преодолев отделявшее их от беглецов расстояние.

«Лексус», утробно взревев, понесся по улице, как снаряд из пушки, огибая стоявшие у зданий автомобили.

Водитель выдернул из красиво светящейся, играющей огнями панели управления черный пульт, поднес к губам:

– «Пятый-один», я «шесть-ноль-четыре», нахожусь в эпицентре пловуна второй степени, дайте мне еще пару минут, срочно!

– Вы в зоне сноса, – раздался в кабине чей-то густой голос. – Коррекция невозможна. Попытайтесь добраться до ближайшего аварийного кармана.

– Пытаюсь, – отрезал Максим, втыкая микрофон в гнездо.

«Лексус» увеличил скорость до двухсот километров в час, ураганом пронесся через мост, свернул налево и под визг тормозов пересек Хорошевское шоссе, не обращая внимания на светофоры и потоки машин.

«Угробимся к чертовой матери!» – отрешенно подумал Вадим, одновременно восхищаясь виртуозной ездой спасителя. Голова была заполнена дымом эйфорической заторможенности, мысли отсутствовали, хотелось протереть глаза и проснуться.

Максим, очевидно, понял чувства пассажира, показал беглую белозубую улыбку:

– Если они успеют просчитать вашу милиссу, не прорвемся. К сожалению, я не взял с собой хаб-генератор, понадеялся на достаточную глубину коррекции, а квантово-тоннельным переходом не владею.

Вадим не успел спросить, что такое хаб-генератор и квантово-тоннельный переход. Джип пронесся мимо стены Ваганьковского кладбища, свернул направо в переулок и резко затормозил возле киоска «Роспечать». В то же мгновение свет на этой улочке погас, а Вадим кубарем полетел в темноту, ударился плечом о возникшую впереди стену и подхватился на ноги, шалея от случившегося.

Он стоял у стены дома, освещенный автомобильными фарами, никакого джипа с водителем по имени Максим не было и в помине, а к Вадиму со всех сторон приближались знакомые девочки в деловых костюмчиках, готовые наброситься на него при малейшем его движении.

Пока он лихорадочно прикидывал возможность прорыва сквозь сужавшееся кольцо, за спинами семерых «волчиц» появилась еще одна дама в костюме, постарше, черноволосая, с прямыми и широкими черными бровями и узкими губами. Нельзя сказать, что она была некрасивой, но и симпатий особых у Вадима не вызвала. В руке она держала необычной формы пистолет с квадратным рубчатым дулом.

Девушки расступились, дама приблизилась к замершему Вадиму. В себя он пришел с трудом, совершенно не представляя, куда девался Максим.

– Вадим Николаевич Борич?

– С детства, – подтвердил капитан. – С кем имею честь?

– Старший следователь Генеральной прокуратуры Маргарита Шлионская. Прошу не сопротивляться и следовать за мной.

– А если я не соглашусь?

– Тогда придется доставлять вас в горизонтальном положении.

Вадим оценивающе посмотрел на пистолет, дуло которого заглянуло ему в глаза, помедлил:

– Покажите документы.

Одна из девиц прыгнула к Вадиму, норовя нанести удар ногой в голову, он ушел от удара, перехватил ногу (какие мышцы!) и отбросил напавшую назад.

Дама с пистолетом подняла вверх руку, останавливая рванувшихся было к Вадиму подчиненных, достала из кармашка малиновое удостоверение с тисненым двуглавым орлом и надписью золотом: «Генеральная прокуратура России».

Вадим усмехнулся.

– Могу я позвонить своему адвокату?

– Позже, если захотите после наших бесед. А сейчас идите со мной.

– Надеюсь, вы объясните, что происходит?

– Разве вам не рассказали, кто мы и кого представляем?

Вадим вспомнил голубоглазого парня, отрицательно мотнул головой.

– Я знаю, что вас называют «волчицами», и все.

Дама из прокуратуры переглянулась со своими коллегами, спрятала пистолет.

– Разберемся.

Подъехала еще одна машина, оказавшаяся джипом «Шевроле», от которого Вадим не смог уйти час назад. Дама открыла дверцу, пропуская его вперед, устроилась сзади. Джип тут же тронулся с места. За рулем сидела мощная девушка с выдающимся бюстом, курившая сигарету. Вадим оглянулся, увидел еще одну «волчицу» в форме, таких же габаритов, перевел взгляд на женщину с удостоверением следователя.

– Здесь недалеко моя машина, не могли бы ваши девочки ее пригнать?

– Ваша машина уже в гараже, – ответила женщина.

– То есть?!

– Мы вам все объясним, потерпите.

– А зачем вы следили за мной и моими друзьями, Кешей и Стасом? Кстати, как вы объясните, что Кеша уже не космонавт?

– И об этом вы узнаете в свое время.

Джип увеличил скорость, обходя параллельно идущие автомобили. Стемнело, водители включили подфарники, на улицах зажглись фонари. Вадим, прикидывающий варианты освобождения (рвануть ручку, открыть дверцу и на повороте нырнуть за борт), вдруг почувствовал интерес к происходящему и решил пока ничего не предпринимать, ждать развязки. «Волчицы» не хотели его убивать, значит, ждали чего-то и рассчитывали на получение какой-то информации. Стоило поиграть с ними в их игры и выяснить, что они затеяли.

Джип свернул дважды, остановился в каком-то глухом дворе без единого фонаря, и вдруг начал тонуть, погружаться в асфальт. Лишь несколько секунд спустя Вадим понял, что они просто опускаются вниз на квадратной плите своеобразного лифта, а вовсе не проваливаются в асфальт двора.

Плита достигла пятиметровой глубины, джип съехал с нее в тускло освещенную камеру, и плита тотчас же пошла вверх на гидравлической штанге, закупорила отверстие входа. В камере вспыхнул свет поярче, стена перед носом «Шевроле» плавно отошла в сторону, открывая вход в тоннель с редкими светопанелями на потолке. Джип вполз в тоннель, разогнался, преодолел его за минуту (километра два, прикинул Вадим) и оказался в подземном ангаре с ребристыми металлическими стенами и таким же потолком, в котором стояли еще два джипа «Шевроле», бронетранспортер, несколько необычного вида аппаратов, похожих на торпеды, и легкий вертолет с опознавательными знаками транспортной милиции. Людей в ангаре видно не было.

– Приехали, – басом сказала мощногрудая девица за рулем, выключая двигатель.

– Выходите, – скомандовала женщина-следователь, видя, что Вадим продолжает сидеть. Вадим вылез, огляделся с любопытством.

– Где это мы?

– На базе Равновесия, – равнодушно сообщила женщина, направляясь к дальней стене ангара, в которой открылась дверь.

Вадима окружили ее спутницы, подтолкнули в спину, и ему ничего не оставалось делать, как последовать за командиром «волчиц».

Короткий коридор с деревянным полом и стенами под гранит, забранные металлическими решетками двери, коробка лифта. Женщина-следователь вошла первой, затем Вадим с конвоирами. Дверь лифта закрылась, но пошел он не вверх, как ожидал пленник, а вниз, остановился через несколько секунд.

Еще один коридор, и тоже с деревянным полом и стенами из ракушечника. Потолок создает впечатление бездонной голубой глубины, будто коридор выходит на поверхность земли и над ним нет ничего, кроме неба. Двери белые, с круглыми оконцами в них и порядковыми номерами: 41, 42, 43... Остановились у двери с номером 49. Женщина-предводитель вошла первой, за ней Вадим, сопровождавшие их спецназовки остались в коридоре.

Комната с окнами в лес, стол посередине со столешницей в форме крыльев бабочки, на нем два дисплея вычурных очертаний, две клавиатуры. За столом сидит властного вида жен-

щина с седыми прядями в волосах, работает то на одной, то на другой клавиатуре, изредка вскидывая глаза на экраны компьютеров. Одета в бежевый костюм, ногти покрыты черным, с золотой искрой, лаком, на пальцах два перстня из «смуглого» металла с черными камнями, на шее платиновая цепочка и кулон – тоже с черным камнем.

– Объект доставлен, – доложила начальница «волчиц», вытягиваясь и едва не щелкая каблуками.

Дама в бежевом продолжала работать, Вадим же с любопытством оглядел интерьер кабинета, задержал взгляд на окнах. Подумал: как им удастся добиваться такого естественного эффекта? Лес – как настоящий!

Дама перестала порхать пальцами по клавиатурам, посмотрела на Вадима.

– Он в курсе?

– Думаю, не вполне, хотя его и пытался выдернуть из тренда кто-то из активников эвменарха.

– Где вы его взяли?

– Он приехал к своему другу Викентию Садовскому.

Седая дама усмехнулась бледными губами; она обходилась без помады.

– К строителю или космонавту?

– К строителю. «Волки» успели вывернуть милиссу Садовского, но не успели точно рассчитать узел ее взаимодействия с линиями друзей и знакомых. Не хватило времени. Господин Борич помнит Кешу космонавтом.

– Что он успел вам рассказать? – глянула на Вадима дама в бежевом.

– Мне хотелось бы сначала услышать, где я нахожусь, – заявил он. – Что такое Равновесие, кто такие активники эвменарха, что такое милисса, а главное, что случилось с Кешей? Ведь он действительно был космонавтом и летал на Луну.

– Едва ли с вами согласятся действующие космонавты. Но это отдельный разговор. Мы тоже помним Садовского космонавтом. Отведите его к девочкам Князевой, пусть выяснят, что он знает. Активники моего дражайшего супруга не станут зря изменять милиссу человеку ни за что ни про что.

– А после?

– Потом подумаем, возможно, он будет нам полезен... какое-то время.

Вадим покачал головой, косясь на даму-следователя и прикидывая, не попытаться ли взять женщин в заложницы и вырваться отсюда, пока не поздно.

– Вы случайно не забыли, что я тоже имею право голоса? Или я в тюрьме?

– Не в тюрьме, но и не на свободе. Выбора у вас нет.

– А если я стану сопротивляться?

– Тогда вас просто ликвидируют. Мужчины в нашей организации не котируются. Ведите себя прилично, и у вас появится шанс выжить.

Вадим подумал.

– Могу я все-таки позвонить адвокату?

– Адвокат вам не понадобится. Вы не в тюрьме и не в застенках террористов. – Седая дама посмотрела на командира «волчиц». – Дайте ему общий интенционал.

– Но мы не уверены в его... полезности...

– Попробуем поэкспериментировать, совсем без мужчин все же мы обойтись не можем. Идите.

Вадим несколько мгновений колебался, не начать ли «акцию протеста» в форме рукопашного боя, заметил демонстративный жест следователя – ее рука легла на оттопыривающийся лацкан костюма, под которым находился пистолет (она поняла его колебания), – и молча проследовал к двери кабинета. Он практически ничего не узнал, начинать операцию по освобождению было еще рано.

Снова коридор, ряд дверей, лестница вниз (сколько же этажей имеет этот подземный бункер?), коридор, двери, поручни вдоль стен (а они-то зачем? может быть, это уже не подземелье, а вагон вроде метро?), красная дверь под номером 53.

Его втокнули в темное помещение, и тотчас же ему заломили руки за спину, на запястьях защелкнулись наручники, а ноги спеленала прочная клейкая лента. Он рванулся, ужом выскальзывая из держащих его рук, но было поздно. Сопротивляться в этом положении он не мог.

Вспыхнул свет.

Вадим стоял посреди небольшого тамбура с голыми белыми стенами и потолком. Его держали два мордоворота в белых халатах с расплывшимися жирными физиономиями и маленькими глазками, в которых тлело тупое равнодушие и покорность судьбе. Вадим оглянулся. Дама-следователь смотрела на него с безмятежным выражением лица и о чем-то размышляла. Очнулась под взглядом пленника.

– Будь моя воля, капитан, ты бы уже спал вечным сном, слишком уж ты самостоятелен и опасен, но если согласишься работать с нами, узнаешь много любопытного.

– Спасибо на добром слове, – кротко сказал Вадим. – Постараюсь быть вам полезным, если вы, в свою очередь, пообещаете мне хорошо платить. Я профессионал и стою дорого.

– Ведите, – кинула женщина с задумчивым видом. – Посмотрим, какой ты профессионал.

– Шагай, – фальцетом проговорил один из мордоворотов, дергая Вадима за локоть, и настроение у него упало. Он понял, что санитары в халатах давно не мужчины. Евнухи.

Открылась не заметная ранее дверь, Вадим шагнул за порог, поддерживаемый санитарями, и оказался в небольшом зале, заставленном разного рода устройствами и аппаратурой и весьма смахивающем на сверхсовременную хирургическую операционную. Эта ассоциация родилась у Вадима при виде двух столов с ложементами и специальными приспособлениями для крепления рук и ног, и она оказалась почти верной: в помещении располагалась аппаратура для медико-биологических экспериментов. В том числе – для развязывания языков, психического сканирования и нейролингвистического программирования. Об этом Вадиму «доверительно» шепнул один из санитаров, посоветовав «не злить» жриц медицины и чистосердечно признаться во всех грехах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.